

Виктор КУСТОВ

Как приходит
любовь ...

СОВРЕМЕННАЯ
ПРОЗА

Современная проза (Четыре Четверти)

Виктор Кустов

Как приходит любовь...

«Четыре четверти»

2026

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

Кустов В. Н.

Как приходит любовь... / В. Н. Кустов — «Четыре четверти»,
2026 — (Современная проза (Четыре Четверти))

ISBN 978-985-581-813-8

Шестидесятые. Сашка Жовнер взрослеет стремительно: от запретных игр с военными трофеями в небольшом городке на берегах Западной Двины — до настоящей мужской работы на Севере. Размеренный уклад жизни семьи рушится, когда мать несправедливо обвиняют, угрожая тюрьмой. На семейном совете принято отчаянное решение — отец с Сашкой уезжают в тундру, туда, где брат матери строит легендарную гидроэлектростанцию. Здесь юноша проходит настоящую школу жизни: охотится, едва не тонет в болоте, теряет друзей, видит героический труд гидростроителей. Это история возмужания, где на одну чашу весов ложатся суровые будни и студенческие страсти, а на другую — хрупкое чувство, которое может вспыхнуть где угодно: на танцах в родном городе, в экспедиции на Байкале или в небольшом таёжном посёлке. Вспомните то время, когда дорога звала сильнее дома. Тогда казалось: стоит уехать подальше — и обязательно найдёшь ответы. И Сашка искал себя в поездах, в чужих городах, в объездах. Он ошибался, падал, поднимался и шёл дальше — потому что только так можно разобраться в себе. Эта книга — о том, как все мы когда-то искали себя и боялись не найти.

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

ISBN 978-985-581-813-8

© Кустов В. Н., 2026
© Четыре четверти, 2026

Содержание

Чай с малиновым вареньем	7
Половодье	16
Долгий день	25
Пионерское лето	34
Дядька из Сибири	42
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Виктор Кустов

Как приходит любовь...

© Кустов В. Н., 2026

© ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2026

Чай с малиновым вареньем

Каменный мостик через небольшой ручей с крутыми и высокими берегами являлся единственной достопримечательностью города. До войны были ещё две: собор, стоявший на левом, крутом, берегу Западной Двины, колокольным звоном объединявший тысячи две домов друг с дружкой да с небесной высью, и добротный, царских времён, большой мост, связывавший две стороны реки. Но и собор с его колокольной, ставшей в военное лихолетье наблюдательным пунктом для корректировки стрельбы, и большой бетонный мост были разрушены во время затяжных боёв, когда река на много месяцев стала линией фронта.

Десять лет полуразрушенные толстые стены из красного кирпича напоминали горожанам о греховно забытом Боге. Женщины, живущие на правом берегу, проходя от парома на базар и обратно мимо этих стен, незаметно крестились; мужики кричали, затягивались едкими самокрутками, в который раз отмечая умение старых мастеров: вот ведь, чего только не делали с этими стенами, из каких калибров не били, живого места нет, а стоят...

Обломки моста, быки, торчащие из воды, меньше бросались в глаза – лишь засушливым летом они становились спортивным снарядом для пацанов, перепрыгивающих по ним с берега на берег, да заставляли обладателей лодок проходить это место с осторожностью, а катера, нечасто, но поднимающиеся в город из Витебска, и вовсе не могли идти выше и, если что и привозили для расположенных в верховьях редких селений, выгружали здесь, у паромной переправы, передавая привезённое хозяевам телег или стареньких грузовиков.

...В то лето, довольно сухое, удивлявшее вечерними сильными бездождевыми грозами, напоминавшими о войне, в город на запылённых грузовиках приехали сапёры. Они обложили оставшиеся стены собора взрывчаткой, и однажды июльским безоблачным утром прогремели несколько взрывов, от которых вылетели стёкла в близ расположенных домах, и толстые стены старого собора превратились в ярко-красную грудку обломков кирпича.

Спустя пару дней ещё несколько взрывов потревожили горожан, и остатки большого моста разлетелись по реке, освобождая будущий фарватер, оставив лишь прибрежные, не препятствующие судоходству клетки опор: в городе открылась лесосплавная контора, а в верховьях Двины заработал леспромхоз.

Битый кирпич от храма постепенно вывезли, место расчистили, разгладили и сделали широкий спуск к переправе, замостив его булыжником. Теперь через реку на пароме переправлялись не только пешеходы и телеги, но и машины, которые прежде подъехать сюда не могли и преодолевали Двину лишь при крайней нужде за семь километров от города, через брод на стареньком военном понтоне, с помощью заржавевшей лебёдки. В паводок эта переправа не действовала, как и в ледостав и в ледоход. Паром ходил до крепкого льда и начинал работать сразу же после ледохода.

Реликтовый же мостик, небольшой, всего с десятков метров длиной, но мощный, выгнутый, как спина рассерженной кошки, был на своём месте на правом берегу всегда, соединяя берега ручья, впадающего в реку, и продолжая тракт от далёкого Смоленска к столь же неблизкому Невелю. Говорили, что по нему в своё время проезжала с надзором за своими западными границами императрица Екатерина.

На этой же правой стороне, на окраине города, располагалась контора леспромхоза, и по мостику каждое утро, кроме воскресенья, проходили Жовнеры. Сразу за мостом они расходились: Полина шла налево, к конторе отдела рабочего снабжения леспромхоза, где служила младшим бухгалтером, а Иван торопился к узкоколейке, пересекавшей тракт, и по ней дребезжащая тихоходная дрезина увозила его с лесорубами на делянку, где ночевал его трактор-трелёвочник.

Школа, в которую ходил Саша Жовнер, стояла посередине между паромной переправой и каменным мостиком, и улица под окнами его класса периодически наполнялась перестуком тележных колёс по булыжникам и тряским урчанием машин. Тогда голос Варвары Ефимовны исчезал в этом шуме, и можно было пошептать с соседом по парте Вовкой Коротким, самым длинным в классе и самым веснушчатым.

А обсудить было что. Заканчивался апрель, на берёзах набухли почки, вот-вот должен был потечь сладкий сок, и днём под яркими лучами солнца по песчаным улицам уже бежали ручьи. Лёд на реке стал тёмным и рыхлым, и по нему отваживались ходить только самые отчаянные смельчаки. Им приходилось закраины либо перепрыгивать, либо перебежать по брошенным доскам, и не было дня, чтобы здесь, у самого берега, кто-нибудь не провалился. Суматошно выскакивая на берег, недотёпа на глазах у подростков, играющих в лапту на вытаявшем пустыре, и стариков, сидящих на скамеечке перед большим домом Сопко и покуривающих ядрёный самосад, бежал вверх по косогору, отмахиваясь от безобидных шуток.

Хуже было тем, кто умудрялся провалиться по пути из дома на правой стороне. Бедолага на некоторое время замирал в раздумье, а потом или трусцой продолжал свой путь, или, махнув рукой, торопился обратно на свой берег, уже не осторожничая и с лёту преодолевая свою закраину. Как правило, такому торопыге везло и он благополучно выскакивал на берег.

Это были последние дни, когда можно было покататься на коньках. У Вовки были дутыши, доставшиеся от старшего брата, который осенью ушёл в армию и служил где-то на Урале, у Сашки – старые снегурочки. Они нашли хорошее место: от Вовкиного дома – он стоял как раз там, где ручей впадал в Двину, – вниз по течению, мимо мостовых быков тянулась ровная бесснежная поверхность. Она появилась только этой зимой, когда остатки моста перестали перегораживать реку. Под коньками лёд шуршал, потрескивал, прогибался, заставляя сердце быстро-быстро колотиться, а потом на берегу долго ещё переживать, рассказывая друг другу о самых страшных моментах стремительного и опасного бега...

С каждым днём желающих покататься становилось всё меньше, и теперь выходить на лёд отваживались только Сашка и Вовка. Из них рискованнее считался Короткий, потому что был почти на голову выше Сашки и весил больше. Сашка первым выходил на кромку, потом катил по прозрачному льду, сквозь который возле заводов у камней можно было разглядеть сонных мальков. Но, как он ни спешил, на середине дистанции Вовка всё равно нагонял его и убегал вперёд, и это был самый опасный момент: лёд начинал оглушительно рваться, проседать, и Сашка замедлял шаг, уступая без сопротивления.

Но так он поступал только сейчас. Когда же лёд был крепким, он всегда сопротивлялся до последнего, и нередко они, мешая друг другу, спотыкались и падали, и тогда более лёгкий Сашка катился на боку, на спине или животе дальше, без усилий оставляя друга позади...

Затарахтела под окнами медлительная телега – одноногий Яшка-цыган вёз из пекарни с той стороны хлеб в маленький магазинчик возле школы, и под это нудное тарактение Сашка задал самый главный вопрос:

– Катнёмся после уроков?

Вовка задумался.

– Хлипко уже, – прошептал он.

– Трусишь?

– Я?..

– Жовнер! – Варвара Ефимовна прошла к их парте, встала в проходе. – Что я рассказывала?

Она учила их последний год. С пятого класса будет много разных предметов и учителей и ещё классный руководитель, и об этом было непривычно и в то же время заманчиво думать. Сашке было немножко жалко Варвару Ефимовну, которая чем-то напоминала его умершую бабушку Марфу Фёдоровну.

*– Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный...*

По тому, как развеселился класс, Сашка понял, что на этот раз не угадал.

– А что ещё знаешь из стихотворений Александра Сергеевича?

– Александра Сергеевича?

– Пушкина, – свистящим шёпотом подсказал Вовка.

Обернулась Катя Савина, отличница и самая красивая девочка в классе, окинула его и Вовку снисходительным взглядом.

*– Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хвосту воз... —*

вдруг ни с того ни с сего, хорошо зная, что это стихотворение Некрасова (учили на той неделе), брякнул Сашка и сам заулыбался, поддавшись общему веселью, сдобренному криками, всхлипами, хлопаньем крышек парт и топотом.

– Са-ша... – удивлённо протянула Варвара Ефимовна, и он, насупившись, торопливо отбарабанил:

– Я знаю, это Некрасов... Я хотел другое, вот:

*Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты... —*

и замолчал, потому что в классе стало оглушительно тихо.

Он посмотрел на Варвару Ефимовну, не понимая, почему все повернулись в его сторону.

– Да, это одно из самых замечательных стихотворений Александра Сергеевича Пушкина. – Учительница неторопливо вернулась к столу. – Но мы его не учили, и вы ещё не скоро будете изучать. А тебе оно понравилось?

Сашка кивнул.

– И как ты его понял?

– Я?.. Не знаю...

Сашка набычился, уставился в парту, на которой, хоть и замазанная чернилами, читалась надпись: «Саша + К...». Дальше всё было изрезано ножом, и букв не разобрать.

– Ну хорошо. Не будем сейчас говорить об этом стихотворении. Замечательно, что ты любишь Пушкина. Но нужно быть внимательным на уроках. А мы сегодня начинаем изучать басни Крылова. Ты знаешь какую-нибудь?

Сашка помотал головой.

– Ладно, садись и больше не отвлекайся.

Ещё раз обернулась Катя Савина, окинула его долгим заинтересованным взглядом и что-то зашептала Наде Беликовой. Та тоже оглянулась, громко фыркнула, наморщив вздёрнутый носик, махнула головой, и торчащие в разные стороны маленькие косички смешно дёрнулись.

Варвара Ефимовна продолжила свой рассказ о великом баснописце, который всей душой любил русский народ, живущий в невзгодах, и высмеивал через образы различных зверей богатых нетрудящихся граждан.

– Так катаемся или нет? – не спуская с Варвары Ефимовны глаз, нетерпеливо прошептал Сашка.

- Посмотрим, – неуверенно отозвался Вовка. – Какой лёд...
- Последний раз...
- Ладно, – решительно кивнул тот.

Теперь, когда было решено, чем они займутся после уроков, надо было придумать, как отомстить Беликовой. Но придумать Сашка ничего не успел – раздался дребезжащий звон колокольчика, который тётя Даша трясла самоотверженно, отчего звук его был громким, и крышки парт радостно захлопали...

- Побежали!

Сашка догнал у двери Беликову, дёрнул её за косичку, побежал дальше по коридору, зная, что она сейчас старается его догнать, и, на ходу вдевая руку в куртку, сшитую из отцовской шинели, выскочил на школьный двор. Здесь он легко увернулся от наконец-то догнавшей его Беликовой, дождался Вовку, вышедшего вместе с Катей, пошёл с ними рядом.

– Мимолётное виденье... Это кто же, интересно? – не успокаивалась Беликова, не оставляя надежды достать его портфелем, и он огрел её сумкой с учебниками и тетрадками.

Она замерла и неожиданно жалобно произнесла:

- А я Варваре Ефимовне пожалуюсь...

– Жалуйся, – легко согласился Сашка, хотя Надька вполне могла наябедничать, а Варвара Ефимовна потом вызвала бы в школу мать, и он лишился бы на несколько дней вечерних гуляний.

– Ты не дразни его, – неожиданно вступилась Катя Савина. – Сама виновата.

– Я виновата? – удивилась Надька. – Кать, ты чего? Он меня за косичку дёрнул.

– Потому что ты ему нравишься. Ты и есть виденье, – сказала Катя, и Сашка почувствовал, что краснеет.

– Вот ещё... – взвился он. – Да нужна она мне.

– А кто же тогда виденье?

Он встретился с Катиным взглядом, в котором не было никакого любопытства.

– Что вы к нему пристали, – вступился Вовка. – Я сейчас обеих за косы оттащу.

Он оглядел сверху всех троих, приподнял и опустил длинную Каткину косу.

– Да ну их. – Сашка перехватил поудобнее сумку. – Пошли быстрее, у нас дело есть.

– Какое это у вас дело? – ехидно поинтересовалась Беликова.

Косички её опять заманчиво закачались, и Сашка с трудом сдержался.

– А они на коньках вдоль берега гоняются, – сказала Катя. – Я их видела.

– Да ты что? – Глаза у Беликовой стали совсем круглыми, курносый нос ещё больше загнулся вверх. – И сейчас гоняются?

– А куда они ещё могут торопиться, – догадливо произнесла Катя.

– Вам какое дело, – миролюбиво откликнулся Вовка. – Ну гоняем.

– Опасно же? – испугалась Надя. – Я видела, как вчера дядька один провалился. Чуть не утонул совсем.

– Давай посмотрим, как они гоняют, – предложила Савина и взглянула на Вовку. – Хотя они передумают...

– Да нам-то что, – отозвался он. – Хочется – смотрите.

– А когда?

– Переоденемся – и айда, – неожиданно сказал Вовка, продолжая глядеть на Катю.

– Что ты им всё рассказываешь. – Сашка дёрнул друга за рукав короткого, доставшегося от старшего брата пальто. – Нечего им на нас пялиться.

– Хотят – пусть смотрят.

– Пошли ко мне, – повернулась Катя к подруге. – Пока они переоденутся, мы с тобой чаю попьём. Успеем посмотреть, как они тонуть будут.

– Вот и пейте свой чай... Дотемна, – пожелал Сашка и на прощанье толкнул Беликову в спину.

На этот раз она его уже не догнала.

...Переодеться и Сашке, и Вовке – что перепоясаться: только штаны другие, постарее, натянуть да вместо куртки и пальто надеть телогрейки. Вовка ещё поесть успел, пока Сашка к нему через ручей бежал, и дутыши примотать. Сашка плюхнулся рядом на днище перевернутой лодки Петрухи-рыбака, отдышался, стал снегурочки привязывать, исподволь наблюдая за другом.

А тот уже по доске промоину прибрежную перешёл и на лёд встал. Треск далеко укатился, Вовка назад на доску вскочил. Сашка палочкой верёвку крепления крутить перестал. Но ничего, выдержал лёд. Вовка ещё раз на него встал, оттолкнулся, покатился неторопливо вдоль берега, и тут уже Сашке медлить нельзя было, мигом второй конёк закрепил, доску пробежал и, не осторожничая, следом заторопился, стараясь обогнать треск... Вовку он догнал за бетонными быками, перед паромной переправой, где на крутом берегу стояла скамейка. Катька с Беликовой уже на берегу торчали, на скамеечке чинно сидели, и вокруг них мелкотня увивалась из барака, стоявшего за спуском на паром. А ещё взрослые пацаны подошли, а вот кто именно, Сашка разглядеть не успел, на остановившегося Вовку наскочил.

А дальше всё так быстро произошло, что сообразить ни он, ни Вовка не успели: вокруг затрещало, ноги разъехались, и вместе с поднимающейся вверх водой до макушки захлестнул страх, а ноги с коньками всё опускались и опускались, не встречая опоры, и Сашка стал цепляться руками за встающие торчком льдины, за Вовкину руку, но это лишь замедлило погружение, и наконец вода коснулась лица и накрыла его с головой. И только тогда он ощутил дно под ногами, подпрыгнул, глотая воздух, пытаясь дотянуться до чего-то чернеющего впереди, однако валенки потянули назад, вода опять обожгла лицо, и снова пришлось отталкиваться, пугаясь всё больше и больше. Но в этот момент наверху его подхватила за ворот Вовкина рука, и он, прежде чем вновь уйти вниз, успел разглядеть задранный над водой подбородок друга и где-то далеко и размыто – сбегающих по тропинке парней, а ещё выше мелькнули теперь уже не празднично сидящие, а напряжённо замершие фигурки одноклассниц и застывшая вокруг них малышня...

На этот раз он пробыл под водой совсем мало, Вовкина рука не отпустила его, потянула за собой, и он нащупал коньками дно, одновременно вытянув нос над водой. И так, медленно, разгоняя льдины в стороны, они побрели к ожидавшим их на берегу парням.

– Ну вы учудили, – встретил их Петька Дадон. – Кто же на коньках сейчас катается, на днях лёд пойдёт.

– А и утонули бы, – пробасил его друг Тимоха, широкоплечий переросток, выдёргивая Вовку, а за ним Сашку на берег. – А мамки бы потом выли.

– Не утонули же, – отмахнулся Вовка, опускаясь на грязные камни и отвязывая коньки.

Сашка, трясясь от холода и испуга, сел рядом, вылил воду из одного валенка, потом из другого, натянул их на мокрые штаны, хотел снять телогрейку, но Петька его остановил.

– Гони домой, малец, – скомандовал он. – Да на печку сразу залазь, а то захиреешь. И ты, Длинный, давай домой, – хлопнул по плечу Вовку. – По-шустрому.

– Мальчики, как же вы так... – вывернулась из-под его руки Надька Беликова, глядя округлившимися, испуганными глазами.

Катя обошла её, сверху вниз посмотрела на сидящего и начинающего дрожать Вовку, неожиданно предложила:

– Пойдёмте к нам чай с малиновым вареньем пить, он от простуды помогает.

– Катюха, ты лучше нас пригласи, – сказал Петька, проводя пальцем по наметившимся усам. – Они же тебе все полы дома зальют.

– А ты не тонул, – прищурилась та. – И не мокрый.

– А я бы попил с малиновым, – щёлкая зубами, сказал Вовка, поднимаясь и старательно притопывая, чтобы скрыть дрожь. – Вот переоденусь и приду. А ты, Санёк?

Он несильно толкнул друга в плечо, и тот запинаящимся голосом с трудом выговорил:

– Я то-о-же... Пере-о-оде-е-нусь...

– Ладно, валяйте домой, – скомандовал Петька. – Да по печкам, какие там чай. И мы с Тимохой потопали, раз Катька нас в гости не зовет.

Она что-то ответила, но Сашка уже ничего не слышал и никого не видел: он неуклюже бежал, с трудом поднимая тяжеленные валенки и крепко сжимая в руках холодящие коньки, ощущая, как телогрейка становится всё жёстче, а его тело – меньше, и пугаясь, что ему совсем расхочется двигаться.

Вдруг непонятно откуда возникли в памяти строки:

«...Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».

(В лесу раздавался топор дровосека.)

– А что, у отца-то большая семья? —

«Семья-то большая, да два человека

Всего мужиков-то: отец мой да я...» —

и он стал повторять их, не понимая смысла, не помня, откуда они, но приравнивая к их ритму, – и бежать стало легче, тело вновь стало увеличиваться, заполняя холодное пространство под одеждой, и, когда он ввалился в сени, ему уже было совсем тепло. Он вылез из подмёрзшей телогрейки, поставил её возле печурки, скинул валенки и забросил их на ещё тёплую печку, стянул штаны и всё, что на нём было, пробежал в комнату, нашёл в комод чистые трусы, майку, надел школьные штаны, подумав, достал из-под кровати новые, купленные к весне и ещё ни разу не надёванные ботинки. Сашка взглянул на мокрую одежду, вздохнул, понимая, что вечером нагоняя не избежать, и не стал ничего убирать, накинув куртку, выскочил на улицу.

...Вовка тоже переоделся, но ему повезло меньше: мать раньше пришла с дежурства и, причитая и ругаясь, уже тёрла мокрую одежду в корыте. Телогрейка висела на ухвате перед растопленной печкой.

– Куда?! – кинулась она вдогонку и, поняв, что сына не остановить, крикнула: – Вернись, пальто накинь! Чахотку заработаешь...

Вовка помедлил, но всё-таки вернулся, вспомнив чахоточного Петруху-рыбака. На улицу он вышел в пальто, только застёгиваться не стал.

– А ничего, – бодро произнёс Сашка, – прокатились что надо.

– Ну да, matka тебе вечером выплет.

– Не выплет, – насутился тот, но настроение испортилось.

Остальную часть пути прошли молча. У калитки перед Катькиным домом затоптались, каждый уступал дорогу другому, и неизвестно, как бы долго это продолжалось, если бы в окно их не увидела Беликова и не выскочила во двор.

– Ну что вы там застряли? – распахнула она калитку. – Давайте быстрее, чай остывает.

Сашка ещё ни разу не был у Савиных. Он первым, с любопытством оглядываясь, осторожно прошёл по вымощенной булыжником дорожке к деревянному крыльцу, выкрашенному голубой и белой краской. Булыжник был точно таким же, как на улице на той стороне от паромы, к центру, – её мостили пленные фашисты, когда ещё Сашка не родился.

Вовка его обогнал и первым вошёл в дом. Сашка заторопился за ним, снял в сенях ботинки, по пёстрым коврикам прошёл в комнату, где за столом перед дымящимися чашками их ждала незнакомая девочка. Она была в коротком красном платье в цветочках и с распущенной косой. Он присел на край выгнутого стула, продолжая разглядывать её. И что-то в ней было

такое, отчего вдруг вспомнились слова Александра Сергеевича Пушкина: «... как мимолётное виденье...» Но тут она отошла в сторону, свет из окна вновь ослепил его, он прикрыл глаза, а когда открыл, незнакомой девочки уже не было, а рядом Катька накладывала ему в розетку малиновое варенье.

– Вам надо пить горячий чай. Лучше варенье размешать прямо в нём, – назидательно произнесла она и сама положила ему в стакан две ложечки варенья. – Если не сладко, добавляйте из розеток.

– Спасибо, – неожиданно вырвалось у Сашки.

Он взглянул на Вовку. Тот уже громко швыркал чай, отправляя перед каждым глотком ложечку с вареньем в рот.

– Вкусное, – сказал он. – Тётъ Валя варила?

– Бабушка. Маме некогда.

Сашка отпил глоток, зацепил немного варенья на кончик ложечки, положил в рот. Варенье действительно было вкусным и пахучим. Оно напомнило лето и Вовкин сарай, где ночевали козы, на чердаке в сене хранилась антоновка и осенью стоял яблочный аромат и куда они с Вовкой, когда козы паслись, залезали и, похрустывая яблоками, обсуждали свои дела.

– Мы с Катей испугались: ну всё, утонули наши мальчики. Тебя совсем не видно, с головой ушёл, а Вовкина шапка видна была, – делилась впечатлениями Надька.

– Я на дно встал, там как раз ещё камень... – сказал Вовка, вытирая нос рукавом и продолжая налегать на варенье.

– Петька бы их вытащил, – сказала Катя. – Он выше всех.

– Петька взрослый, – буркнул Вовка. – Когда я стану взрослым, я буду выше его.

– Конечно, ты будешь выше. И ты молодец, Саша мог утонуть, если бы не ты, – похвалила она.

– Не утонул бы, – обиделся Сашка. – Я тоже дно достал.

– Ну и что, что достал, всё равно тебе было с головкой, а Вовка тебя вытащил, – вмешалась Беликова. – Он – настоящий друг. И его надо наградить медалью «За спасение утопающего».

– Это кто утопающий? – Сашка положил ложечку на пустую розетку, отодвинул недопитый чай, угрюмо уставился на Беликову. – Ты ещё поговори тут...

– А я его не тащил, – вмешался Вовка, облизывая ложечку и с сожалением поглядывая на пустую розетку. – Так, попался под руку.

– Тебе ещё?

Катька добавила варенья Вовке в розетку.

– Саш, а тебе?

– Спасибо. Не буду.

– Тебе надо хорошо прогреться.

– А он заболеть хочет, чтобы в школу не ходить, – ехидно заметила Беликова.

– Никто не хочет болеть, – не согласилась Катя. – Вон Петруха-рыбак всем говорит, что за здоровье всё бы отдал, даже мотор лодочный.

У Петрухи-рыбака был самый сильный в округе лодочный мотор.

– А он хочет, – упрямо повторила Беликова. И ни с того ни с сего добавила: – И вообще, у меня голова от него болит.

Сашка непонимающе взглянул на Беликову: голова от него постоянно болела только у мамы.

– Ты меня за косы дёргаешь, а у меня голова болит, – пояснила она таким голосом, словно собиралась заплакать.

Сашке вдруг стало её жалко, и он сказал:

– Я больше не буду.

– Вот и хорошо, – обрадованно хлопнула в ладоши Катя. – Вот и помирились. – И взглянула на Вовку.

Тот уже доел варенье и облизывал ложечку.

– Ещё?

– Не надо.

Он довольно откинулся на стуле, огляделся, спросил:

– А чего Сашка не доел?

– Я не хочу больше, – отозвался тот.

– А мне тепло стало, – признался Вовка и повернулся к Кате: – А родители скоро придут?

– Мама ещё не скоро, а папа в командировке.

Каткин папа был снабженцем в райпо и в командировки ездил часто, поэтому Сашка его почти не помнил. Только блестящие сапоги, и модный драповый (мать так говорила) пиджак, и брюки галифе. Таким он его запомнил с того дня, когда их принимали в пионеры. Каткину маму, тётю Валу, он видел несколько раз. Она была невысокой, красивой и, как ему казалось, очень доброй. Она работала заведующей каким-то служебным буфетом в городе, на другой стороне, рано уходила на работу и поздно приходила.

– Не болейте, мальчики, – вдруг просительно произнесла Беликова, и все трое удивлённо посмотрели на неё.

– Ты чего, Надюха? – вдруг сорвавшимся голосом спросил Вовка. – Видишь, мы чаю с малиной напузырились, теперь не заболеем.

Но Надька всё равно зашмыгала носом, и Катя стала её успокаивать и даже вывела в другую комнату.

Надька жила с матерью, отец был художником и жил в Смоленске. Раз в год, как правило в сентябре, он приезжал к ним, привозил Надьке подарки, гостил несколько дней и снова уезжал. Когда он приезжал, Надька с гордостью ходила с ним по улицам, а тётя Ксения стеснялась, потому что работала нянечкой в больнице и была не чета художнику (так говорили взрослые).

– Ладно, нам пора идти, – поднялся из-за стола Вовка. – В гостях меру знать надо.

– Пейте ещё, – появилась из другой комнаты Катя, а следом за ней, промокая белым платочком под глазами, вышла Надя.

– Да мы же не лошади, – брякнул Вовка и тут же исправился: – Очень вкусное варенье.

– Саня, – Надя тронула Сашку за рукав. – Давай не будем ссориться. Никогда...

– А я... – Он хотел сказать, что это оттого, что она вредная, но посмотрел на неё и только добавил: – Ладно.

– Дай честное слово, что ты её не будешь дёргать за косы и бить сумкой, – вмешалась Катя.

– Да я...

– Дай ты им слово, – сказал Вовка, надевая пальто. – Чего тебе стоит.

– Нет. Слово должно быть твёрдое, как у взрослых, – неожиданно серьёзно произнесла Катя. – И ты тоже, Вова, меня больше не задевай. Давай просто дружить.

– Ладно, будем просто дружить, – миролюбиво согласился тот.

– А ты, Саша?

– Будем дружить, – послушно кивнул он и стал торопливо зашнуровывать ботинки.

– Хорошо, мальчики... Хорошо, что вы не утонули, – со вздохом облегчения произнесла Надя.

Они торопливо прошли через двор, выскочили на улицу, и Вовка наконец выпалил с трудом удерживаемое:

– Ну и дура эта Беликова. Мало ты её колотил.

– Теперь всё, – вздохнул Сашка. – Слово дали. Дружить.

– Да ладно, подумаешь, слово.

- Нет. Раз дали, надо держать.
 - Погоди вот, matka вечером тебе выплет, и подраться захочется.
 - Не выплет, – огорчился Сашка и заторопился: – Я пошёл, надо кур покормить, matka просила.
 - Я тоже домой пойду.
- Они махнули друг другу и неохотно разошлись.

Половодье

Ледоход начался вечером в субботу.

Мужики с прибрежной и окрестных улиц, придя с работы, собрались на берегу: хозяева и кто постарше – на скамейках у домов, молодые – кружком на пустыре, владельцы лодок и рыбаки – на перевёрнутых лодках у воды. Дымили, неторопливо переговаривались, глядя на ноздреватый, уже отбитый от берегов лёд, и ждали. Бабы появлялись с делом: воды зачерпнуть, прополоскать, мужу выговорить за ротозейство.

Мелкотня шныряла тут же – с деревянными пистолетами и саблями гонялись друг за другом, зашибая носы, пачкая одежду зелёной травкой и получая нагоняй от отцов.

Пацаны постарше кружили по берегу, но быстро уставали и возвращались на пустырь, где вяло играли лапту. А сверстники Петьки Дадона пристраивались к старшекласникам, дымили папиросами и обсуждали ледоход и скорые танцы в городском парке.

В мужских компаниях пришли к единому мнению: ежели сегодня не двинется, то ночью простоит, а утром или к полудню обязательно двинется. Кто-то слышал и пересказал: вверху за бродом чистая вода, там затор вровень с берегами, вода подпирает так, что лодки надо бы повыше перетащить – как начнёт глыбами берег утюжить, их смахнёт...

Предложение поддержали, гуртом скатились к лодкам и, играючи, перекинули их выше, под обрез берега, куда вода никогда не поднималась. В общем гвалте чуть не пропустили начало ледохода. Хорошо, пацаны загалдели, сбежались на берег, заслышав треск. Мужики успели рассесться, курево достать и созерцать движение льдов, как и положено, несуетно.

Сначала ноздреватое и отдающее синевой от пропитавшей воды ледяное полотно двинулось медленно, нехотя уступая невидимому напору, кое-где пытаясь сопротивляться, упираясь краями и со скрежетом наползая на берег, но напор становился всё сильнее, движение набирало скорость. Глядя на перетираемые льдины, дымя «беломориной», Иван Жовнер сравнил этот ледоход с другими половодьями на иных реках. И даже с войной: так же никакое сопротивление фашистов уже не могло сдержать победоносное наступление наших войск.

Вспоминались реки на чужбине, на берегах которых остались лежать его друзья, кому не суждено было увидеть ледоходы на своих реках.

Он всегда поминал Кирилла Евсеева, чью могилку сам подравнивал сапёрной лопаткой на берегу безымянной речушки, а внизу ползли льдины последнего военного ледохода. Сержант Евсеев был последним в их разведвзводе, кто погиб на той войне, когда уже и погибать никто не должен был. Но сопливый патриот-снайпер, воодушевлённый фюрером, выскочил из своей детской и в упор выстрелил в улыбающегося Евсеева. Иван выбил автомат из худых рук подростка, не сдержался, ударил наотмашь по большим испуганным глазам так, что тот растянулся вдоль стены, бросился перевязывать сержанта, но тот лишь успел взглянуть на Ивана и удивиться произошедшему. И с этим непонимающим удивлением ушёл из этого мира...

– Пацаны, чью-то лодку тащит! – разнёсся над берегом мальчишеский крик.

И теперь даже подслеповатый дед Сурик разглядел, что затираемое льдинами тёмное пятно, продвигающееся вдоль берега, не нагромождение брёвен, как он думал прежде: «Вот бы эти брёвнышки багорком да на бережок, за лето просохнут, хорошие дрова...» – а небольшая лодка.

– Видно, сорвало. Только не признаю чья... – со свистом вдыхая воздух, произнёс Петруха-рыбак и надрывно закашлялся.

– Достать надо бы, – произнёс кто-то из мужиков. – Расстроится хозяин.

– Оно точно. – Иван оглянулся и спросил Сурика: – Дед, багор-то у тебя есть?

– А как же...

Тот поднялся со скамеечки, пробежал, шустро переставляя худые ноги в больших валенках, в свой двор, вернулся, с трудом удерживая на весу длинный неровный шест, на конец которого был надет ржавый железный крюк.

– А как же, у реки и без багра. А бревно пойдёт как...

– Давай.

Иван Жовнер перехватил багор, подкинул, поймал другой рукой, прикидывая, как ловчее его держать, и стал спускаться к воде.

– Вань, один не вытянешь, я помогу.

Следом с берега прыгнул Степан Ермаков, зять деда Сурика, живущий на другом краю в леспромхозовском доме. Он заскользил по глине и, если бы не Иван, так и укатил бы в реку, но тот вовремя выставил багор, и Степан обхватил шест, остановился, стараясь удержать равновесие.

– Вдвоём не справятся, – сипло сказал Петруха-рыбак. – Я б помог...

– Да чего уж, поможем. – Однорукий Николай Касиков (потерял левую ещё в финскую, но в войну партизанил где-то под Витебском), осторожно ставя начищенные сапоги и умудряясь их не запачкать, спустился, встал так, чтобы можно было правой рукой перехватить шест. – Бронька! А ты что багор зажал. Давай тащи, не жмоть, одним не сможем.

Бронька Сопко, сосед деда Сурика, мордатый крепыш, служивший полгода в полициях вместе с батькой, расстрелянным потом, отсидевший четыре года, считался теперь инвалидом и нигде не работал. Услышав своё имя, кинулся на подворье. Старая Сопчиха не хотела давать багор, но Бронька всё-таки добился, принёс его – хорошо слаженный, на белом ровном и лёгком шесте, острый, отбивающий солнце, – и, торопясь, оскальзываясь, спустился к остальным.

– Можя, ещё помочь кому? – крикнул сверху кто-то из мужиков, но Иван махнул рукой, приглядываясь к уже побитой льдом и, может, совсем не стоящей того, чтобы доставать, лодке.

– Мешаться только.

Пройдя несколько шагов вперёд, сказал Броньке, не выпускающему из рук свой багор:

– Я зацеплю с носа, а ты корму. Степан, подмогнёшь ему, а ты, Николай, ко мне иди...

Касиков подбежал в самый раз. Иван уже багор накиннул, потянул – и помощь пришлась кстати, тем более что у Касикова хоть одна рука, но по силе что две, – нос лодки рванулся к берегу. А Бронька со Степаном промедлили, завозились, затоптались на скользком берегу. Как Броньку его же багром скинуло в воду – никто не заметил; только и увидели, как тот выпученными глазами хлопал, вылезая, да Сопчихин голос услышали. Вот ведьма, и как увидела-то со двора?.. Но Иван отвлекаться не стал, крикнул Степану, чтобы тот помощничка вытаскивал, а сам на ладони сплюнул, Касикову приналечь велел, вдвоём рванули – и скинули лодку со льда в воду, а потом и к берегу подтащили. Тут Петька Дадон с дружкой наскочил, на руках её к остальным лодкам и вынесли.

– Однако Пантюхина это лодка, – просипел Петруха-рыбак.

Пантюха, или Пантелей Смирнов, был бобылём, появился в городе после войны неизвестно откуда и по какой причине. Был он молчалив и нелюдим. Жил на самом конце приречной улицы, и за его домом сразу начиналось старое кладбище, на котором он работал сторожем. Пацаны его побаивались и, бегая в орешник, начинавшийся сразу за кладбищем, дом обходили.

За орешником шли покосные луга, но говорили, что скоро уже и там начнут выделять участки, и тогда малая сторона города догонит большую, на которой, аккурат напротив кладбища, недавно выросли мебельная фабрика и посёлок из двухэтажных кирпичных домов.

Туда же перенесли из центра базар, и Пантюха в воскресные дни на своей лодчонке перевозил баб, укорачивающих путь до базара и с него на добрых пару-тройку километров.

Бронька Сопко, мокрый, измазанный в глине по самую макушку, наконец поднялся на берег, побежал, выставив вперёд такой же измазанный багор, в свой двор, и оттуда разнёсся

басистый голос Сопчихи, возвещавший, что Броньке досталось на орехи и за багор, и за купание.

– Не, не Пантюхина, – покачал головой Степан. – У него больше. Пять женок сажает... Петруха-рыбак возражать не стал.

Иван Жовнер достал пачку папирос, протянул однорукому Касикову. Тот ловко, двумя пальцами, выдернул папиросу, поднёс к огоньку трофейной зажигалки. Задымили, не спуская глаз с реки.

– В сорок втором по таким вот льдинам от карателей убегали. – Касиков затянулся. – Только командиров пацан и не искупался. Лёгкий был и быстрый. Первым перебежал. А на берегу мина накрыла. Так и схоронили в воронке – всё, что собрали.

Он бросил окурок, придавил носком сапога.

– Надо людям сказать про лодку-то, – напомнил дед Сурик. – Робят отправить, хай пробегут вверх.

– Санёк! – крикнул Иван, отыскивая глазами среди пацанов сына. – Иди сюда.

Подбежал Сашка, выжидательно замер.

– Сбегайте с дружками до Пантюхи, скажите: лодку поймали, не его ли? И по пути спрашивайте.

– Ага.

Сашка махнул Вовке, за ними увязались ещё несколько пацанов, и они шумной ватагой пошли по улице...

Громко хлопнула калитка. Появился Бронька, уже в других штанах, телогрейке, чистый, довольный вниманием. Потеснил сидящих на его скамейке мужиков.

– Отмылся? – поинтересовался Степан.

Тот кивнул, расплылся в улыбке.

– Однако заболеешь ты, Бронь, – сказал Степан.

Тот испуганно вскинул глаза.

– При такой катавасии обязательно надо внутрь принять, – продолжил зять деда Сурика. – Мы в артиллерии никаких лекарств не признавали, сто сталинских примешь – и хвороба отлетает.

Бронька молча моргал, не понимая, куда тот клонит.

– Н-да, – вздохнул Степан и уже прямым текстом пояснил: – Тащи маткин самогон, поличимся и заодно событию отметим.

– А-а... – опять разулыбался Бронька. – Сейчас спрошу.

На этот раз Сопчиха не кричала, а лишь что-то нашёптывала. Никто не смог разобрать, о чём шла речь во дворе, но скоро у калитки появился не Бронька, а она сама, как всегда, в чёрном длинном платье и чёрном платке, надвинутом на самый лоб, с двухлитровой бутылкой в руках. Оглядела сначала мужиков, сидящих на её скамейке, потом скамейку перед домом деда Сурика, задержала тяжёлый взгляд больших глаз на Степане, отчего тот передёрнул плечами и потянулся за новой папиросой.

– Событью, говоришь, отметить...

Голос у Сопчихи всегда был зычным, даже когда в доме командовал мужик. Дед Сурик, помнивший её ещё девкой, рассказывал, что многие парни из-за голоса и не женихались с ней. Вот и досталась ядрёная молодуха приехавшему чужаку, у которого ни роду ни племени не было, даже фамилию жинкину взял, а потом оказалось, что родичи-то есть, но в проклятой Германии...

Степан собрался было ответить, что он имел в виду, но она поставила бутылку на край скамейки, откуда только что поднялся Бронька, сказала:

– Отметь событию, помяни мужика моего, сёдни как раз душа его и отлетела.

– Да я вообще-то... – начал было Степан, но она, поманив за собой сына, уже скрылась во дворе, и он не успел ничего объяснить.

Пока, раздумывая, чесал затылок, вышел Бронька, поставил рядом с бутылкой стакан, положил полбулки чёрного хлеба, шматок сала, нож, сделанный из немецкого штыка.

– Вот, матка дала.

Улыбнулся, оглядывая мужиков, и те понимающе покивали: что взять с придурка. Степан сплюнул папиросу, потёр руки.

– Помянуть человека тоже не грех.

Ловко нарезал сало, хлеб, плеснул в стакан.

– Испытаю.

Выпил, сморщился, бросил в рот корочку хлеба, пожевал вдумчиво.

– А что, мужики, первачок.

Уже весело налил полстакана, поднёс деду Сурику. Тот помедлил, словно что-то вспоминая, потом перекрестился.

– Царство небесное рабу твоему, – ещё раз перекрестился. – Хоть и вредный был, но такого ж людского стада... – Медленно, словно процеживая, выпил, крикнул, пожаловался: – На сальце зубов не хватает.

– Что ж ты, дед, людей стадом обзываешь? – спросил Иван. – Вроде не скотина мы.

– Не, Вань, не скотина, скотина добрее, своих не забивает. А стадо, потому что без пастыря не моём. Николашка был, царь значит, потом Ленин, потом Сталин, значит... нынче этот кукурузник башковитый...

Степан поднёс стакан Ивану. Тот помотал головой.

– Не за что пить.

– Ты ж слышал, помяни усопшего.

– Врагов не поминаю.

Бронька перестал улыбаться, насупился.

– Что было, то прошло, больём поросло, чего вспоминать. – Степан приблизился к Ивану, прошептал: – За ледоход выпей.

– Не буду, – отодвинул тот его руку со стаканом.

– Не хочешь – нам больше достанется.

Степан протянул стакан Касикову, но и тот мотнул головой и сказал:

– Пацаны возвращаются.

Сашка ещё издали выпалил:

– Не Пантюхина это, он сказал, что она сверху шла. Наверное, деревенских.

– Точно, скорей всего, из Селезней, – согласился Петруха-рыбак, принимая от Степана стакан. – Там такие я видел.

Начал пить, но так и не допил, зашёлся в кашле, судорожно глотая воздух, и Степан вовремя успел перехватить стакан. С жалостью посмотрел на тщедушного чахоточника, пошёл дальше обносить мужиков неожиданным самогоном, прикидывая, чтобы ещё на раз, а может, и более хватило, чтобы можно было потом вспомнить, какой славный был ледоход в одна тысяча девятьсот шестьдесят втором году.

– А ить идёт, – радостно сказал он, взглянув в сторону реки. – К завтрему весь сойдёт.

– Не упрётся на косе – сойдёт, – подтвердил дед Сурик.

– В сплавной уже катера красят, – вставил молчаливый Михаил Привалов, мужик степенный и работающий.

Огород Привалова упирался в дедов, и там, возле межи, Михаил начал ставить баньку, чем дед был недоволен. Сам он эту зиму работал в кузне при сплавной конторе, а до этого и плотничал, и лес валил, и дома ставил вместе с Генкой Коротким.

У Привалова было три девки, родившиеся одна за другой, боевая жинка, работавшая продавщицей в сельпо и откликавшаяся на одно, без отчества, имя – так её все и звали, и малые и старые, Нинкой, хотя девки уже вытянулись ростом с самого Привалова и вовсю заглядывались на парней.

– А я выпью. Хоть и полицаи он был, а особого зла не наделал. И Нинку мою с девками не сгубил.

Опрокинул стакан, вытер усы шершавой заскорузлой ладонью с мозолями, глянул на Ивана. Жовнер промолчал. Знал он, что не лютовал Сопко, пока полицаиствовал, ту же Нинку не выдал, не донёс, и что Привалов коммунистом был, на всю улицу единственным. Правда, поговаривали, что в том заслуга была самой Нинки, приласкавшей полицая, пока муж на фронте, но кто, кроме неё, теперь это знать мог, а наговорить всякий горазд.

– Ладно, пошли, Вань. Мы за своих в День Победы выпьем, – сказал Касиков.

– Бывайте, мужики. – Иван махнул рукой, пошёл по улице, принаравливаясь к размашистому шагу Касикова.

– Зайдём ко мне, чекушка есть, – предложил он, когда подошли к его дому.

Дом Жовнеров был самым свежим на улице, желтевшим пахучей янтарной смолой, дранкой, двумя окнами на разбухший ручей, тремя – в огород, где пять лет назад, начав строить дом, Иван посадил три прутика антоновки и куст крыжовника. Яблони в этом году должны были наконец заплодоносить: сегодня он нащупал набухшие почки. А крыжовник уже раздался и радовал нечастыми, но крупными, с солнечной рыжинкой ягодами.

Ещё две стены выходили во двор, и в каждой было по окну, но из них любоваться было нечем – разве что гуляющими курами и сараем, где истощно требовал еды кабанчик.

Сначала дом был пятистенком, Сашкина кровать стояла напротив родительской. Потом Полина стала стесняться ночных мужниных ласк, и Иван выгородил между кухней и залом маленькую комнатку. Теперь сын спал за перегородкой, и они могли побаловаться, стараясь не особо скрипеть сеткой.

Полина только что вытащила из печки горшок со щами, вычистила золу и приготовила дрова на завтра. Гостя встретила сдержанно, но сала и солёных огурцов принесла, щей налила, а потом и сама присела, не отказалась от стопки. А там и Касиков не таким чужим показался.

Был тот дальним соседом, маленькой она его и не помнила, узнала лишь, когда дом помогал строить, да только ей это неинтересно было: куда важнее стены поднимающиеся. Вот и радовалась каждому венцу да мужу ладному и сыну подрастающему, ничего вокруг не замечая.

– Меня ты не могла не запомнить, – прищурился Касиков. – Я перед финской приезжал, весь город смотреть сбежался. Молодой командир, гимнастёрка отглаженная, галифе. Думал, генералом буду. Кто ж знал, что мне в первом же бою руку так...

– У каждого своя судьба, – вставил Иван.

– Ты прав, Ваня. Сначала обидно было, а потом привык, приновился. Только когда партизанил, переживал, что фашистов бить в две руки не могу. Но зато взрывать научился.

– Только теперь это никому не нужно.

– Много из того, чему мы на войне научились, не пригодилось. Да и мы по большому счёту не очень нужны.

– На фронте нам политруки говорили: победим – всё будет, что пожелаем, каждому фронтовику – по дому, как в раю жить станем за друзей наших, что не дожили. Пришли домой – сколько лет уже не разгибаемся? А живём всё хуже. Теперь и за хлебом очереди. Этот ещё кукурузник объявился... Мы за Сталина на смерть шли, а нам теперь говорят – культ какой-то. Я не понимаю. Но знаю, жил бы Сталин – сдержал бы слово, всем фронтовикам дал бы, что обещал.

– Ну тут ты обольщаешься, – Касиков запнулся, взглянул на Ивана, поднял стопку. – Давай за тех, кого уже не будет с нами.

Выпили не чокаясь, и притихшая Полина встала из-за стола, захлопотала, не мешая мужикам вести мужской разговор.

Пришёл Сашка, прошмыгнул в свою комнату.

За окном уже стемнело. Затихли улицы, и порой даже сюда доносился звук ломающегося льда. Касиков собрался домой, и Иван вышел с ним покурить.

На берегу громко заспорили мужики. Он подумал, что спор закончится дракой, но остался у своей калитки: разнимать сегодня не хотелось. Подумалось вдруг, что Касиков всё время что-то недоговаривает. И с чего за Броньку Сопко, бывшего полицая, вступился? Мол, пацан был, отсидел больше за компанию... Пусть так, он, Иван, в те годы на фронте был. Но никак не привыкнуть, что на одной улице живут и те, кто по одну сторону стоял, и те, кто по другую.

На берегу задрались, закричали, и он уже настроился идти, но шум начал стихать: похоже, Привалов растащил.

Иван вспомнил, что завтра воскресенье, и они понежатся с Полиной, а потом пройдутся по городу, в кино сходят, купят вина и посидят вечером. И не о прошлом будут говорить, а о красивом будущем, благодаря желанию увидеть которое он только и выжил.

...Лёд ушёл за одну ночь. Утром подтянулись отставшие льдины, а через несколько дней стала опадать и вода. Видно, миновал лёд и Ригу, выплеснулся в море, обнажив глинистые берега. По ним сразу же засновали пацаны, собирая вымытые рекой патроны, гильзы от снарядов, в надежде наткнуться на настоящий пистолет или нож, но чаще находя неразорвавшиеся мины или пробитые каски.

Из взрослых только Петруха-рыбак не выдержал, на второй день заторопился с хваткой, но попадались лишь редкие подуст и голавль: рыба ещё не пошла к берегу.

Пролетела уже по-весеннему тёплая неделя, и в очередной выходной берега ожили: хозяева лодок принялись приводить их в порядок. Сбивались в таборы, ставили на огонь котёл с варом, смолили, конопатили борта. Редкие владельцы моторов выкладывали механизмы на подсохшую траву и в окружении малышни неторопливо прочищали их, прикидывая: ещё день-два – и можно будет прокатиться к истоку Двины, где в заводях и сома можно взять.

Безмоторные о рыбе особо не мечтали – на вёслах в верховье не уплывёшь, но оценивающе поглядывали на реку, сожалея, что ещё не могут выйти за бесхозными брёвнами. Братья Слепнёвы за три весны умудрились на полдома натаскать да ещё топляка на всю зиму для печки. Слепни – братья ершистые, маленькие, но широкие, друг за друга горой. Вот и на берегу свой костерок соорудили, свой чугунок с варом поставили. И багры наготове длинные – таких больше ни у кого нет. А возле их лодок уже два топляка лежат: забрели чуть не по пояс, но достали.

У Петрухи-рыбака лодка уже «на мази», он всегда навигацию открывает, но нынче прижало его крепко: пришлось отлёживаться. Не жилец он. Может, и лето не переживёт. Всего пару лет назад казалось – сносу Петрухе не будет, словно мальчик бегал, по две смены на мебельной отстаивал. Может, оттого и прилепилась болезнь – от пыли всякой да клея.

А день выдался совсем тёплый. Братья Слепни первые оголились, забелели сбитыми, нехудыми телами, а следом и остальные, кто помоложе, кому жар покоя не даёт. Дед Сурик сверху, с бережка, на мужиков поглядывает и себя молодого вспоминает, вздыхает: вроде и хочется вернуться назад, и вроде как незачем, – сам не поймёт.

Иван Жовнер с чердака удочки достал: Сашка просил настроить. Проверил, ржавые крючки заменил, поплавки новые, из пера от чужих гусаков, подтянул, закинул ему с обрывистого берега в том месте, где ручей с рекой соединяется. Вряд ли толк будет, но, если хочет, пусть сидит. Сам вернулся домой: лодки у него не было, а в огороде дел немало. У Полины сегодня срочная работа, начальница вызвала, так что хозяйство на нём.

Ближе к полудню и ахнуло в стороне, словно пушка выстрелила. Или как когда сапёры остатки моста взрывали. Мужики занятие своё прервали, Иван в огороде над лопатой распрямылся, Сашка на пригорок выбежал, чтобы рассмотреть что-нибудь, но стояла тишина. Постояли, погадали, что бы это могло быть, когда на небе ни облачка, да и продолжили своим заниматься. К обеду и мужики с лодками справились, и Иван под грядки пол-огорода перекопал, и Сашка нарыбачился.

Иван из печки горшок с картошкой достал, стопку себе налил. Тут и влетела в дом Полина, сразу в Сашкину комнату кинулась, вылетела пулей.

– Вань, Сашка где?

– А чего ты, заполошная? Зачем он тебе?

– Где он?

Присела на скамейку напротив, а сама вот-вот заплачет.

– К длинному дружку ушёл.

– Когда?

– Да только что.

Откинулась Полина к стене, стопку подставляет.

– Налей мне.

Выпила залпом и закусывать не стала, только поморщилась.

– Да что случилось? – повысил голос Иван. – Любка по работе выругала?

– Бабы сказали, ребятишки в нашем краю подорвались, я у Любки отпросилась и бегом...

– Какие ребятишки?

– Откуда я знаю?! – вскинулась Полина и сморщилась, скривилась: всё-таки слёзы перешили. – А давно он ушёл?

– Да тут всё время крутился, рыбу ловил. Я ему удочки настроил.

– Не, я всё-таки сбегая к Коротким.

– Ну, баба... Валяй.

Иван стопку опрокинул, проводил жену взглядом: ладная она у него, только вот боязливая – всё за Сашку боится, после того как тот с моста упал, чудом жив остался. Тогда-то сама и захотела второго завести, да вот сколько с той поры живут – никак не получается.

Только успел закусить, на бережок хотел пройти – Полина прибежала с Сашкой. Оказывается, взрыв был самый настоящий. Пантюху встретила, на его глазах всё и произошло: пацаны заречные напротив кладбища во рву костёр разложили и то ли мину, то ли снаряд на него положили – тол вытопить. Двоих – чьих, ещё неизвестно – насмерть, троих в больницу отнесли.

– Ты, сынок, смотри, в такие игры не играй, – просяще обратилась она к Сашке, привыкшемуся, недовольному, что мать домой увела.

Только Катька гулять вышла, девчонки из барака как раз обсуждали, в догоняшки поиграть или в прятки, а тут его домой...

– Я пойду, а? – жалобно произнёс он, не поднимая глаз.

– Куда опять?

– Ну ты ж видела, мы там играть в догоняшки собрались.

– Какие догоняшки? Ты в прошлом году доигрался, еле откачали.

– Полина... – остановил её Иван. – Пусть идёт, что ты пацана дёргаешь. – И добавил строго, глядя на Сашку: – Стемнеет – чтобы как штык дома был.

– Может, лучше пусть посидит, уроки поучит? – неуверенно произнесла Полина, но, перехватив тяжёлый взгляд мужа, добавила, погрозив Сашке пальцем: – Чтоб я больше не бегала за тобой.

Сашку как ветром сдуло.

– Присядь. – Иван разлил ей и себе остатки водки. – Пей. Это помогает. На фронте после боя так поминали.

– И в прошлом году, помнишь, ребяташки тоже подорвались. В блиндаж залезли, как в могилу.

Полина подержала стопку, потом выпила, закусила картофелиной, помолчала.

– Столько лет прошло, а каждую весну аукается.

– Видно, судьба у них такая.

Иван обнял её за плечи и притянул к себе, она противиться не стала. Наконец, он подхватил её на руки, понёс на кровать, думая, что надо бы закрыть дверь на крючок, но не стал отвлекаться, шепнул невпопад:

– Глядишь, сестрёнку Сашке заделаем...

Потом, прикрыв жену одеялом, остывая рядом, словно продолжил разговор:

– На фронте я всякого насмотрелся. И понял: если суждено, значит, не уйти от судьбы. Иной прячется, и кажется, ничего его не возьмёт, а глядишь, уже команда похоронная в ров потащила.

– Уж сколько лет прошло, – безучастно отозвалась Полина, думая о чём-то своём. – И вспоминать бы не надо, а вот... – Повернулась, легла Ивану на грудь, заблестела глазами. – Скоро праздники, а у меня платья хорошего нет. Сегодня Любка пришла в новой кофте, юбке, расфуфыренная...

– Мне премию обещали, – проговорился Иван.

– Премию? К празднику? – И остыла. – Сашке сандалии надо купить, штаны какие-нибудь, вырос уже.

– Должно на всё хватить, – сказал Иван. – Куплю я тебе платье.

Полина чмокнула его в щёку, вскочила с постели, пробежала к комоду, стала доставать кофты, юбки.

– Ты бы оделась, – сказал Иван, вставая и ревниво поглядывая в окна.

Но она уже не слышала, примеряя не ношенное всю зиму и оттого радующее не меньше, чем новое, и Иван, одевшись, вышел на улицу.

...На берегу захмелевшие мужики слушали бородатого бобыля Пантюху. Он изрядно угостился и в который раз рассказывал, как у него на глазах бухнуло так, что он даже присел. Им, отцам, за своими шкетами надо смотреть: весь берег утыкан военными «подарками». Сколько уже раз он гонял своих, малобережных, из лога, что за кладбищем, и сам сколько мин, патронов да всякого железа находил.

– И твоего гонял с его другом длинным, – обрадованно сказал он, увидев Ивана. – Шустрые они, того и гляди...

Иван присел на скамейку рядом с дедом Суриком, стал слушать, о чём мужики ведут речь. После сегодняшнего взрыва вспомнили фашиста и финна проклятого, который в этих местах больше немца лютовал, мстя за поражение. Потом Степан напомнил, что скоро майские праздники, демонстрация, и все заторопились сообщить, что и на мебельной, и в сплавной, и в леспромхозе, – уже все готовятся, транспаранты рисуют. А на мебельной в секрете строят космический корабль в натуральную величину. Его ещё на прошлую демонстрацию должны были сделать, сразу после полёта Юрки Гагарина, но не успели, и директор за это выговор получил. И правильно, так ему и надо, как же: земляк наш, смоленский, вокруг земного шара облетел, а на его родине корабля не могут построить. Но нынче точно будет. И, говорят, пиво из Витебска привезут. А фронтовикам велено награды надевать и банты красные.

Иван подумал, что праздники – это хорошо. Надо будет и к жинкиной родне сходить. Своих уже давно нет: отца ещё до войны похоронили, отсюда неблизко, а мать с ним рядом положили. Сестра в Карпатах где-то живёт, за гуцулом нелюдимым, оттого, наверное, и весточку не шлёт...

Мужики тут стали друг друга на будущие красные дни приглашать, на отказы обижаться и говорить всё громче, руками махать всё сильнее, братья Слепни даже на ноги вскочили, и Иван с трудом перекричал их:

– Остыньте, соседи!.. А давайте на праздник вот здесь стол собьём да и посидим на бережку все вместе.

И таким неожиданным показалось его предложение, что все замолчали враз. А потом загомонили, перебивая и заверяя друг друга, что это верное предложение, пора вместе посидеть, как на фронте бывало...

...Но не зря говорят: человек предполагает, а Бог располагает.

Аккурат на праздник утонул Петруха-рыбак. Утром засветло с трудом дошёл до лодки, завёл мотор, поплыл в верховье. Пантюха его видел, крикнул ему ещё: чего, мол, в праздник-то поплыл. Но вот что тот ответил – не разобрал, да и неважно ему это было: бабы в очередь на перевоз стояли, чтобы на базар попасть пораньше – одни купить, другие продать.

И уже когда с демонстрации возвращались – кто на причале парома ждал, а кто на нём был, – лодку пустую увидели. Плыла себе та тихонечко по стрежню, покачивалась. Чья она, признали быстро. Петька Дадон с дружками тут же Кирюху, паромщика сухоногого, заставил остановить паром посередке, с носа баржи паромной спрыгнул в неё, чуть сам не сковырнулся, к берегу причалил. И всё в ней было так, как всегда у Петрухи-рыбака: чистенько, сухо. Хорошая у него лодка...

Стали думать да гадать, в промежутках пиво потягивая, что не привязал лодку-то Петруха толком, вот и отвязалась. Правда, Дадон сказал, что цепь аккуратно на носу лежала. Но мог ведь и не привязывать, если ненадолго, подтянуть на берег, отойти. Но ещё пиво допить не успели, как принесли пацаны новость: точно утонул Петруха-рыбак: тело прибило возле мебельной фабрики, а там бабы за водой пришли и увидели. Кто-то вслух подумал, что ведь и оступиться мог, а мог и так – сам за борт. Не жилец ведь был.

И тут вспомнили, что у Петрухи-рыбака и фамилия есть, и биография. И что появился в городке Пётр Михайлович Тимошенко на другой год после победы, и был он тогда в военной форме с капитанскими погонами, медалью «За боевые заслуги» и орденами Боевого Красного Знамени и Красной Звезды. И глаза у него были печальные, а бабы потом судачили, что был он пограничником и война застала его чуть ли не в самом Бресте, там все родичи и погибли. И вроде приехал он сюда, потому что жена у него была родом отсюда, только увезли её ещё совсем маленькой, и была она полькой. А старики помнили, что был-жил когда-то в их городе поляк Стефан, учивший всех желающих игре на скрипке и рисованию. Правда, это было так давно, что вспомнить маленькую девочку, дочку Стефана, никто не смог. Но, наверное, она была, если Петруха – капитан Тимошенко – приехал совсем в чужое место.

Купил Пётр Михайлович тогда дом на берегу, устроился на мебельную фабрику. Незамужние девки, да и бабы одинокие, и так и эдак подъезжали к нему, но только без толку. Одно кроме работы знал бывший капитан – рыбалку. И скоро лучше всех местных ловить стал. А улов в больницу отдавал.

Вспомнили это мужики в тот праздничный день шестьдесят второго года и помянули ещё одного отправившегося в мир иной, негромко решив, что, вполне возможно, там, где уже народу видимо-невидимо, всё же, похоже, лучше, чем здесь.

Долгий день

– Поднимайся, Санёк.

Так сладко и уютно в кровати, глаза совсем не хотят открываться, но через сон вспомнил Сашка, зачем его отец поднимает, и мигом подскочил, побежал к умывальнику. Лицо смочил, шаровары, рубашку надел, встал возле стола, демонстрируя отцу, что готов. Тот кружку с чаем к нему пододвинул.

– Пей. И поешь. Проголодаешься, пока доберёшься.

Сашка варёное яйцо, не разжёвывая, проглотил, сладким чаем, обжигаясь, запил. Вышла заспанная мать, провела ладонью по вихрастому затылку сына.

– Хорошо поешь, чтобы силы были.

– Я уже.

– Подожди-ка... – Полина достала из кринки с родниковой водой кусок сливочного масла, отрезала ломтик, наложила на кусочек хлеба, протянула. – Съешь.

В другое время Сашка бы долго этот кусок смаковал, а сейчас даже вкуса не заметил. Быстренько прожевал, чаем запил и на отца выжидательно уставился. А тот в вещевой мешок, ещё с войны сохранившийся, бутылку с чаем поставил, бутерброды с салом, в газету завернутые, положил, четыре яйца сваренных, соли щепотку, лука зеленого, только-только вылезшего на грядке, картошин в мундирах. Оглядел всё сверху, горловину затянул.

– Ну, мы готовы, мать...

– Ты за ним там поглядывай, – сказала Полина, поправляя мужу воротник выцветшей от времени и стирки гимнастёрки, вышла следом на крыльцо.

Сашка уже возле сарая удочки переставляет, раздумывая, какие взять, но отец машет рукой.

– Иди сюда, мы с тобой спиннинги берём.

И уже держит большой и маленький, который Сашка в прошлом году забрасывать учился и даже одного щурёнка поймал в заводи за кладбищем, возле лога.

– Так мы только щук ловить будем? – уточнил он, не решив, радоваться этому или огорчаться.

Одно дело, если плотву или подлещика – тут он бы наловил точно, а вот щук... Но зато если попадётся, так уж попадётся. Будет что рассказать осенью в школе и Вовке, когда тот вернётся. Вовка – в пионерском лагере. Сашка тоже хотел поехать, но родители решили в отпуск навестить папину тётку в Осташкове, и надо было выбирать. Вот он и выбрал путешествие.

И не пожалел: лагерь совсем рядом, вниз по Двине, а озеро Селигер далеко – они и на автобусе ехали, и на поезде. А само озеро такое огромное, и чайки большие, и камыши высокие, а возле камышей рыба ловится так, будто её там видимо-невидимо.

Но больше всего ему запомнился театр. Тётя Нюра билетёром в нём работала и их провела через служебный вход, а потом они сидели на приставных стульях совсем рядом со сценой, и пьеса была про девушку Татьяну...

А ещё во дворе, где тётя Нюра жила, была девочка Аня, которая тоже ему понравилась, и он даже запомнил её адрес.

Они только позавчера вернулись, завтра родителям на работу, но отец ещё в Осташкове пообещал, что свозит его дома на рыбалку.

На улице ещё только-только рассветало. В конце улицы, возле Пантюхиного дома, пастух начал собирать стадо, доносилось мычание коров и крики хозяек. Было ещё свежо, но солнце уже осветило поблёскивающие росой склоны оврага, по которому бежал ручей.

День обещал быть жарким.

Отец и Сашка перешли деревянный поскрипывающий мостик, поднялись к школе, минули каменный мост и скособоченную хату сапожников братьев Григорьевых, приткнувшуюся к массивной опоре моста. Их огород спускался к самому ручью, и в нижней, затапливаемой весной части брата высаживали капусту. По первому снегу они её срезали, квасили, и дух квашеной капусты на многие дни становился в округе самым сильным. Сашка, как и другие пацаны, братьев побаивался. Григорьевы были большие, кряжистые, обросшие, и, когда они стояли в чёрных кожаных фартуках, опустив мясистые волосатые руки, детям становилось не по себе. И он, и Вовка, и другие одноклассники старались в темноте не ходить мимо их хаты. И, если кололи вилкой бычков или собирали в ручье шитиков, на которых клевал голавль, огород обходили поверху.

За мостом булыжная мостовая заканчивалась. Дальше уходил песчаный накатанный тракт. Они пошли по тропинке рядом. Со стороны леспромхозовских домов, поднимая пыль, подошло стадо коров, заняло всю дорогу, неспешно направилось в сторону Сурикового хутора. За разваливающимся домом и дырявым забором хутора начинались луга с высоким разнотравьем, куда гоняли скот.

Прошли вдоль железной колеи, поднялись на деревянный помост, у которого стояла, пыхтя и дребезжа, дрезина с прицепленной платформой. На ней сидели мужики в спецовках и тётка в шароварах да пёстрой мужской рубахе.

– Здорово, – сказал Иван, закидывая на платформу спиннинги, мешок и подсаживая Сашку.

– Здоров, – по очереди отозвались мужики.

А тётка, щуря большие голубые глаза, сказала:

– Чего это, Вань, тебя видать не было?

– А я – отпускник, – весело отозвался отец. – А ты, Настя, всё цветёшь...

– Цвету и пахну, а всё напрасно... А это что, твой?

Она посмотрела на Сашку, и он отвернулся: тётка ему не понравилась.

– Мой.

– А куда ж вы собрались? По грибы ещё рано.

– А ты не видишь?

Иван отодвинул спиннинги, сел на край платформы, свесив ноги, достал папиросу, повернулся к мужикам.

– Как там, на Немыкльском, шука берёт?

– А кто её знает, – отозвался пожилой мужик с большим красным носом. – Нам, чай, не до рыбалки. Мы без отпусков.

Дрезина вдруг пискнула, дёрнулась и, с трудом набирая скорость, потащила платформу. Отец перехватил Сашку за пояс, отодвинул к центру, приказал:

– Сиди на месте.

Мимо потянулись леспромхозовские, похожие друг на друга, покрытые белой дранкой, с одинаковыми палисадниками перед ними, дома, но скоро они кончились и начался лес. Деревья плотно обступили рельсы, их кроны цеплялись за крышу дрезины, за торчащие по углам платформы жерди; скоро позади был виден только узкий зелёный тоннель, и стало казаться, что никакого города вообще не было. Как не было Селигера, театра, чаек, девочки Ани... Сашка сел удобнее, стал смотреть вперёд на расступающиеся перед дрезинной деревья, с любопытством ожидая, что откроется за очередным изгибом дороги.

Мужики, сидя так же, как отец, по краям платформы, курили, глядя по сторонам, думали о чём-то своём, тётка пододвинулась ближе к отцу, прижалась к его плечу, стала что-то нашёптывать в ухо. Сашка дёрнулся, чтобы отец обратил на него внимание, но тот лишь обхватил ладонью его руку. Тётка продолжала шептать, отец улыбался, и это отвлекало Сашку. Он попы-

тался освободить руку, но отец только сжал её ещё крепче и что-то стал говорить тётке. Та засмеялась, отодвинулась, а отец повернулся к нему, сказал:

– Сиди на месте, нам долго ехать. – И, придвинувшись к мужикам, стал что-то обсуждать с ними.

Тётка провела рукой по Сашкиной голове, вздохнула, откинулась на спину, раскинув руки, стала глядеть в голубое, без единого облачка, небо, и Сашка перестал на неё злиться. Она закрыла глаза, и теперь он мог разглядеть её лицо с широкими скулами, вздёрнутым носом, ярко-красными пухлыми приоткрытыми губами.

Дрезина повернула, платформа мотнулась из стороны в сторону, тётка открыла глаза. Сашка отвернулся и стал разглядывать приближающуюся поляну, посередине которой стояла одинокая берёза, потом деревья вновь обступили рельсы, открылась новая полянка – так они долго ещё чередовались, и Сашка незаметно заснул...

Проснулся оттого, что дрезина вдруг остановилась, а на платформу полезли какие-то мужики, здороваясь с теми, кто был на ней. Сразу стало тесно, и он придвинулся ближе к отцу. Наконец все расселись, дрезина пискнула, дёрнулась, поплыла вперёд, оставляя позади длинную улицу почерневших домов, стоящих вдоль разбитой лесовозами дороги.

– Здесь живут? – удивился Сашка.

– Это Немыкли, – сказал отец. – Деревня. Нам с тобой уже скоро сходить.

– А что они здесь делают? – спросил Сашка, глядя на мужиков, – те враз закурили и заговорили между собой.

– Они здесь живут. А работают на делянке, где и я. Если успеем, мы с тобой на обратном пути зайдём. Посмотришь, где я работаю.

Снова деревья обступили рельсы; солнечные лучи, прорываясь сквозь зелёные кроны, полосами скользили по дрезине, платформе, лицам мужиков и Насти, которая всё чему-то смеялась, шепчась то с одним, то с другим; по пути они нанизывали клубы табачного дыма, исчезающие позади, но их сменяли новые, и это движение казалось бесконечным. Но тут дрезина начала притормаживать, скрипя и повизгивая, и отец, пододвинув на край спиннинги и мешок, спрыгнул, пошёл рядом, потянул Сашку, подхватил на руки, опустил на пожухлую, вытопанную, испачканную мазутом траву, прихватил вещи, махнул рукой. Дрезина скрылась за деревьями.

Отец вскинул мешок, пошёл от колеи в лес. Сашка заторопился следом, и скоро они вышли на еле заметную тропинку. Та попетляла, попетляла среди белоствольных берёз и редких низкорослых елей и вывела вдруг к невесть откуда появившимся нескольким мощным дубам. Лес сразу посветлел, наполнился пением птиц, жужжанием оводов и диких пчёл. Задрал голову, Сашка засмотрелся на вершину огромного дуба с резными листьями, сквозь которые пробивались солнечные лучи, но отец его поторопил:

– Скоро жор кончится, догоняй.

Он уже спускался по плавно уходящему вниз травянистому склону, усыпанному старыми желудями и листьями, к небольшому озеру, где возле берега стоял плот с воткнутым посередине шестом. Отец с ходу прыгнул на него, потопал, поднимая мелкие волны.

– Иди сюда. Посмотрим, удержит ли нас?

Сашка прыгнул на связанные брёвна – плот качнулся, и коричневая вода прокатилась по ногам.

– Придётся мешок на берегу оставить.

Отец поднялся к ближнему дубу, выложил из мешка блёсны, тесак и круг толстой лески и повесил его на сухой сук. Вернувшись, вытащил шест из чмокнувшего ила, оттолкнулся, подождал, пока плот выплывет за камыши, тянущиеся полосой вдоль берега, подгрёб шестом, выравнивая его, сказал Сашке:

– Подожди, я попробую.

Взял длинный спиннинг, окинул взглядом блёсны, выбрал большую, жёлтую, привязал и сделал заброс в сторону берега, под золотистые кувшинки. Стоя на другом краю плота, Сашка наклонился, зачерпнул ладонью воды. Она была коричневой и остро пахла.

– Торфяники кругом, – сказал отец, заметив, как он наморщился. – Поэтому и запах. А рыба хорошая, не пахнет.

Он развернулся, забросил в другую сторону, крутанул катушку, и почти сразу же удилище рванулось, отец резко потянул его на себя и прошептал:

– Есть.

Удилище прогибалось, щука была сильной и не хотела ловиться. Она метнулась на середину озера, потом – к кувшинкам. Плот задёргался, поплыл следом.

– Упрись шестом, – сказал отец. – А то она нас затянет.

Сашка поднял шест, воткнул его в илистое дно, обхватил руками, но плот продолжал двигаться, и отец раздражённо произнёс:

– Не так, вставь шест между брёвнами.

Сашка потянул шест на себя, но тот не вытаскивался, и тогда отец шагнул к нему, отчего плот накренился и вода залила Сашкины сандалии. Одной рукой Иван помог вырвать шест, вставил его, с силой надавив, между брёвнами и, вновь обхватив двумя руками трещащую катушку, стал медленно подматывать, приподнимая удилище, пока из воды не показалась большая острая морда.

– Крюк забыли, – оглянувшись, огорчённо произнёс отец.

Он ещё раз окинул взглядом замершую на поверхности воды рыбу, потом плот и, вырвав шест, нетерпеливо протянул его Сашке.

– Толкайся к берегу.

Сашка засуетился, ткнул шестом в дно и чуть не свалился в воду.

– Не торопись, лучше подгребай.

Отец чуть отпустил катушку – щучья морда скрылась в воде, потом подал вперёд удилище и тут же неторопливо потянул его обратно.

– Уже подустала.

Сашка старательно подгребал. Рубашка и шаровары были мокрыми от стекавшей с шеста воды, но берег приближался.

Отец стал медленно подкручивать катушку, потом быстро прошёл по плоту, размашисто шагнул на берег, одновременно поднимая вверх спиннинг и рывком выбрасывая на траву длинное пятнистое тело, пружинисто изогнувшееся в воздухе. Сашка прыгнул с плота, но до берега не достал, упал в воду, чуть не заплакал от обиды, а отец, откинув щуку дальше от воды, торопливо достал его и вытащил на берег.

– Килограмма на три, – возбуждённо произнёс он и, окинув Сашку взглядом, приказал: – Снимай всё.

Пока Сашка раздевался, он отнёс щуку в тень дуба, придавил обломком пня. Потом разложил Сашкины шаровары и рубашку на солнцепёке.

– Есть хочешь?

Сашка мотнул головой.

– Давай обсыхай. Можешь с берега побросать, а я сейчас быстренько вдоль камышей проплыву. И за щукой присмотри, чтоб не упрыгала.

Отец торопливо пошёл к плоту, сильно оттолкнулся от берега, положил шест и сделал заброс. Пока плот был виден, он ничего не поймал. Потом камыши закрыли отца. Сашка поднялся к дубам, но и оттуда дальний конец озера не был виден, и он вернулся к разложенным вещам, успокоившейся щуке, сел рядом.

Солнце припекало, над водой летали неторопливые стрекозы, лес ещё сильнее звенел от пения невидимых птиц, глаза закрывались сами собой, но уснуть не получилось: вокруг

него закружили оводы, и он решил, что лучше бросать спиннинг. Первый заброс оказался неудачным: катушка сорвалась, из лески получилась борода, которую он с трудом распутал, а когда начал вытягивать блесну, та зацепилась за корягу. Он походил, подёргал, но отцепить не получилось. Хотел сплавать, вошёл в воду и сразу же провалился в ил, из которого с трудом выбрался. Оставив спиннинг на берегу, вернулся к дубам. В их тени было прохладно. Вновь появился плот, и Сашка стал наблюдать за отцом, но жор, наверное, уже кончился.

Потом плот опять исчез, уже под ближним берегом. Сашка стал собирать жёлуди, попутно придумывая, что из них можно будет сделать, и не заметил, как причалил отец. Подбежал к плоту. Отец выбросил на берег двух щук, но они были явно меньше первой, воткнул посередине плота шест, прыгнул сам. Подхватив под жабры щук, отнёс их к первой в тень, спросил:

– Ты крапивы нигде не видел?

– Не видел.

– Пошли поищем.

Они обошли весь берег, но крапивы не нашли, нарвали осоки, смочили водой и накрыли ею рыбу. Отец снял мешок, развязал, разложил под дубом припасы, сказал:

– Давай поедим. Жарко уже. А ты почему не бросал?

– Зацепил, – сказал Сашка.

– Поедим – отцепим, – вяло произнёс отец, глядя на щук. – Как думаешь, на котлеты хватит?

– Хватит.

– Значит, слово мы с тобой сдержали, – весело сказал он.

...После еды выходить на солнце совсем не хотелось. Они прилегли в тени, и скоро отец захрапел.

Сашке спать расхотелось. Он прошёл к озеру, с трудом вытащил шест, поплыл к коряге. Отцепил блесну, бросил пару раз, потом положил спиннинг, нырнул с плота, проплыл к кувшинкам, понюхал жёлтый цветок, вернулся обратно, вскарабкался на плот. Мигом слетелись оводы, и, отмахиваясь от них, он торопливо поплыл к берегу. Надел уже пересохшую рубашку, разостлал рядом с отцом шаровары, лёг на них и закрыл глаза.

...Хорошо было на Селигере: напекло солнышко – перевалился за борт, поплавал, вылез обратно; ветерок обдувает, оводы не летают, сидишь, блаженствуешь, на поплавок смотришь. Задёргался, ушёл под воду – тащи. Не такая, конечно, рыба, как сегодняшние щуки, зато много и не скучно... А вечером во дворе с пацанами и Аней картошку на костре пекли. Вкусная картошка. Аня снетков приносила, это такая рыбёшка маленькая, вкусная. Как семечки. Таких на удочку не ловят.

А ещё она говорила, что в Селигере русалки и водяные водятся, только они близко к берегу не подплывают, озеро ведь большое. И что на островах, которых там видимо-невидимо, всякие звери живут. И даже плохие люди, которые с войны остались. И разбойники. У Ани отец в рыбохране работает, по озеру на лодке моторной ездит, он их с Сашкой как-то прокатил. Втроём они доплыли до большого острова, на котором медведь живёт, и даже походили по берегу, шишек сосновых насобирали. И когда там вдвоём гуляли...

Кто-то толкнул Сашку в бок, он открыл глаза.

– Пора собираться, Санёк.

Отец встал, потянулся, скинул брюки, разбежался и прямо с плота, уткнувшегося в берег, нырнул в озеро. Размашисто выбрасывая руки, поплыл к противоположному берегу. Доплыл до кувшинок, развернулся, довольно пофыркивая, так же энергично и высоко выбрасывая руки, поплыл обратно. Возле плота попытался встать на дно, но тут же, выругавшись, ухватился руками за брёвна.

– Так и засосёт...

Вылез на плот, блестя загорелым телом с выпирающими мышцами, оглядел озеро, поднял голову.

– Освежись, Санёк, да двинемся.

– Больше ловить не будем?

– Жарко, не будет больше клёва до вечера. А нам надо ехать, дрезина уйдёт. – Он взъерошил Сашке волосы. – Мы с тобой как-нибудь ещё сюда приедем. Осенью. Тогда не так жарко и щука жадная. Не расстраивайся.

– Я не расстраиваюсь, – сказал Сашка.

– Тебе здесь понравилось?

– На Селигере лучше, – после паузы ответил он.

– Ну ты сравнил.

Отец стал собирать вещмешок.

– И туда как-нибудь ещё съездим.

Сашка постоял в раздумье, потом спустился к плоту, сбросил рубашку, так же, как отец, нырнул, но перелететь, как он, камыши не смог, вошёл в воду между ними и поцарапался почти до крови. Попробовал плыть размашисто, как отец, выпрямляя руки, но скоро устал и повернул обратно.

– Ничего не забыли?

Отец огляделся, на дно мешка выстелил осоку, уложил щук, затянул узел.

– Надо будет потом крапивы найти, переложить.

И неожиданно пошёл в обход озера.

Сашка промедлил, потом торопливо нагнал отца, спросил:

– Мы же с другой стороны пришли?

– Правильно, мы пришли со стороны Немыклей, а идём к Ликовцам. А между ними как раз делянка, там я работаю.

– Мы туда идём?

– Там дрезина. И трактор мой. Хочешь прокатиться?

– А дашь? – оживился Сашка.

– Проедешь, – пообещал отец.

Они миновали дубы, дальше деревья были меньше, но стояли гуще. В тени их крон не надоедали оводы, да и жары не ощущалось. И пахло можжевельником, мхом. Откуда-то изда-лека ветер принёс слабо различимый, чуждый остальным запах и следом – еле слышный рокот. И унёс дальше, в сторону невидимого озера.

Сашка оглянулся: теперь уже и дубов совсем не видно. Он вздохнул, вспомнив, что не придётся похвастаться перед друзьями выловленной щукой, и торопливо догнал отца.

... Сначала звук работающего трактора, а потом и резкий запах солярки незаметно вытеснили остальные звуки и запахи. Они с отцом вышли на безлесное, перепаханное гусеницами, устланное сломанными ветками пространство, на дальнем краю которого визг пил чередовался с рокотом трактора-трелёвочника и с шумом падающих деревьев. Отец оглянулся, подождал Сашку, сказал, обводя рукой это расчищенное место:

– Вот это наша делянка. А там мой трактор.

Они пошли по усыпанной щепками, обломками коры и торчащими ветками земле гораздо медленнее, чем по лесу, но скоро и трактор, и домик, приткнувшийся с краю леса, и даже фигурки людей, переходящих от дерева к дереву, стали хорошо видны – стало понятно, что они делают.

Большие зелёные деревья дрожали под вгрызающимися в них, надсадно воющими пилами и падали, тщетно цепляясь за соседей. Их тут же обступали мужики с топорами, торопливо обрубали трепещущие ветви и переходили к следующему упавшему дереву. А к беззащитному обнажённому стволу подъезжал трактор, обвивал дерево металлической петлёй и

ташил его на площадку, где лежали такие же нагие деревья. Сашка оглянулся назад: остался ли на месте лес, по которому они только что шли, или всё позади превратилось в эту огромную, искорёженную и утратившую красоту делянку...

Трактор вдруг остановился, и к отцу подошёл шупленький мужичок в испачканной мазутом майке.

– Привет, Вань.

– Здорово, тёзка.

– А ты чего, уже работать вышел? – спросил вертлявый Иван.

– Не. Мы с сыном на озере были, шук ловили, – сказал отец, опустив руку на Сашкино плечо.

– Твой, что ли?

– А то чей. Вот дай-ка мы с ним прокатимся, пока тебе делать нечего.

– Валяй. А я покурю в тенёчке.

Мужичок исчез за домиком, где под дощатым навесом возле бочки с зацветшей водой и пожарным щитом, набитым на дерево, стояла скамейка.

Отец положил мешок в тень возле стенки домика, подтолкнул Сашку в сторону трактора. Трелёвочник сладко пах горячим металлом и соляжкой. Отец потеснился на сиденье, усадил рядом Сашку, положил его руки на рычаги, накрыл сверху своими.

– Вот сейчас и поедем.

Трактор взревел, дёрнулся и, гремя гусеницами, покатил вперёд.

– Теперь тяни рычаги, как вожжи, вправо, влево...

Отец убрал свои руки, и Сашка судорожно сжал вибрирующие рычаги, отчего правый отклонился назад и трактор повернул направо. Он торопливо потянул левый, и трактор круто развернулся влево.

– Не рви, – сказал отец. – Мягко тяни. Возьми сейчас немного правее, а то мужиков задавим.

Сашка осторожно потянул правый рычаг, и трактор плавно повернул вправо, объехал рубящих сучья мужиков.

– Отпускай! – скомандовал отец.

Он бросил рычаг. Трактор поехал в сторону леса.

– Бери ещё вправо, на место поставим, – сказал отец.

Сашка встал на дрожащий железный пол, потянул рычаг, уже не сомневаясь в послушности этой большой и сильной машины.

– Ну и как, нравится? – спросил отец, нажимая ногой на педаль, передвигая рычаг, отчего трактор замер на месте.

– Да, – кивнул Сашка, с неохотой вылезая из горячей кабины.

– Я тебя научу, – пообещал отец. – Сейчас Ваньке надо работать.

– Когда научишь? – спросил Сашка.

– Да вот как-нибудь приедешь со мной на целый день и покатаешься.

Отец помог ему спрыгнуть. Из-под навеса вышел Ванька, не спеша направился к ним. Цвиркнул через дыру на месте переднего зуба – плевков улетел далеко вперёд, – встал на гусеницу, обернулся.

– Шук-то хоть поймали?

– Поймали, – ответил отец.

– Поедем домой, покажешь.

Ванька залез в кабину, трелёвочник взревел и бодро покатил к очищенному дереву.

– Пойдём крапивы нарвём, – сказал отец и направился к дрезине.

Они перешли узкоколейку, по широкой тропинке прошли через небольшой низкорослый сосновый лес, перемежающийся зарослями можжевельника, и вышли к деревне. Была она совсем маленькой, с десяток домов, и пустынной.

Отец уверенно прошёл к ближнему дому, стоявшему чуть в стороне и выглядевшему поновее. На нём висела квадратная дощечка с тремя большими буквами «ОРС» и ниже, помельче, – «магазин». Он поднялся на вышарканное сапогами крыльцо и вошёл в распахнутую настежь дверь.

За деревянной, покрытой грязными пятнами стойкой на табурете сидела, подперев ладонями щёки, девушка. Перед ней лежала потрёпанная книга. Она подняла глаза, взглянула на вошедших.

– Здравствуй, Танечка, – весело произнёс отец, опустив руки на прилавок. – Замуж ещё не вышла?

– За кого?

Девушка встала, перекинула со спины на грудь большую толстую косу.

– Да за тобой вон все ребята гуртом ходят, а ты никак не выберешь.

– Они не за мной, они за вином приходят.

– Эх, был бы я помоложе...

– А и так в самый раз, – прищурилась Танечка, наклонилась через прилавок, отчего из-под цветастой блузки выглянули налитые белые груди.

– Значит, был бы не женат, – неожиданно смутился отец и подтолкнул Сашку вперёд. – Между прочим, это мой сын.

Татьяна скользнула взглядом по Сашке.

– Не похож.

– Похож, – не согласился отец. – Ладно, ты скажи, где у вас тут крапивы можно нарвать?

– Крапивы? – Она вдруг залилась смехом, похожим на перезвон колокольчиков. – Зачем тебе крапива?

– Да мы тут щук на озере наловили с Санькой. – Он посмотрел на сына. – А жарит же – боюсь, не довезу.

– А крапива зачем? Бить, что ли, щук будешь?

– А крапива как раз охладит.

– Никогда не слышала.

– Проверенное средство. Так есть крапива в вашей деревне?

– Да за магазин зайдите, я там видела.

– Пошли, Санёк.

За магазином действительно торчало несколько кустов крапивы, и отец, быстро и ловко прихватывая их под самый корень, наломал, сложил.

– Сходи попроси у тёти Тани какую-нибудь бумажку ненужную – обернуть, чтоб руки не обжечь.

– Не пойду, – буркнул Сашка.

– Почему? – Отец пристально посмотрел на него.

– Не пойду, и всё.

– Как хочешь.

Он быстро взбежал на крыльцо, вошёл в магазин, прикрыв за собой дверь.

Пробыл он там довольно долго, вернулся с вырванными из книжки страницами, обмотал ими стебли.

– Ну что, пошли обратно?

Сашка кивнул.

– Может, тебе чего купить? – спросил отец. – Леденцов, а?

– Не хочу.

– Не хочешь – не надо.

Он поднялся на крыльцо, крикнул, не заходя в магазин:

– Бывай, Танюша – красивая коса.

Обратно шли быстро: отец сказал, что надо поторопиться, чтобы не держали из-за них дрезину.

И их действительно ждали. Уже на платформе они укладывали крапиву в мешок и перекладывали ею шук, мужики увидели улов и высказались кто как хотел. Пришли к единодушному мнению, что улов средний, но летом и такой редкость. Отец согласился, что не самая удачная рыбалка получилась, но он ещё свою десятикилограммовую выловит...

Солнце уже скатилось к крышам Сурикового хутора, было свежо и приятно. Они шли с отцом по темнеющим улицам, и неожиданно Сашка сказал:

– А она совсем не похожа на Таню.

– Кто не похож?

– Да эта, с косой... В магазине.

– Но её так зовут.

– В театре была Таня, у неё две маленькие косички.

– В театре? – вопросительно повторил отец и догадался: – А... ты о спектакле, который мы в Осташкове смотрели? Действительно, не похожа. Там совсем другая Таня...

И они замолчали.

...Мать облегчённо вздохнула, увидев их. Тут же взялась разделывать рыбу, перекрутила и даже пожарила на керогазе котлеты.

Сашка съел одну и пошёл спать, глаза уже сами собой закрывались.

Пионерское лето

Последнее пионерское лето Сашка провёл замечательно. Сначала его отвезли в Смоленск к мамину дядьке, отставному майору органов госбезопасности, который, выйдя на пенсию, организовал для родственников нечто вроде съезда на своей пригородной даче.

Сашке понравилась дача – большой деревянный дом с высоким крыльцом и узкой длинной верандой, стоящий в сосновом бору. Понравились и хозяева – дядя Гена, большой, широкий и весёлый, и тётя Тамара, в два раза тоньше его, задумчивая и незаметная, – и разновозрастные родственники. А со Славкой, младшим сыном дяди Гены, который был на полгода старше и на полголовы выше, они подружились.

Два дня взрослые отмечали знаменательное событие «обретения воли» (по выражению дяди Гены), чередуя застолье с походами на недалёкое озеро, где мужчины устраивали настоятельные заплывы, а женщины вручали победителю венок из жёлтых кувшинок. Безмятежный сон на веранде или прямо у стены дома, в тенёчке, на разостланных старых шинелях хозяина, сменяли громкоголосые прогулки по бору в поисках заведомо не выросших грибов. В этих походах кто-нибудь терялся, и под дурманяще пахнущими соснами долго разносилось весёлое ауканье.

Пацаны тоже увязывались за взрослыми и чаще всего изображали неуловимых и незримых обитателей этого бора, тайно подглядывая такую заманчивую взрослую жизнь.

Спустя два дня, изрядно уставшие и помятые, не совсем протрезвевшие гости стали разъезжаться, и дядя Гена, страдая от нахлынувших вдруг пустоты и тишины в гулких комнатах, уговорил Полину оставить Сашку погостить.

– Пусть он у нас погостит. Мы тут пару дней побудем, а потом в город вернёмся. Я Саньку в крепость свожу, в театр. И на Днепре порыбачим.

– Действительно, пусть город посмотрит, – поддержал его Иван. – Будет что рассказать одноклассникам.

– Оставляй, Полечка, – присоединилась немногословная тётя Тамара.

– Ладно, – согласилась мать и стала наговаривать дяде Гене, чтобы никуда Сашку одного не отпускал. – Заблудится. Он ведь в больших городах не был никогда.

– Не волнуйся, Полюшка, ничего с этими басурманами не случится.

– Но только на недельку, не больше. Я хочу его в пионерский лагерь ещё отправить. Путёвку на вторую смену обещали.

– А наш не захотел. Мы его каждое лето отправляли на две смены. А в этом упёрся – сбегу, и всё... – пожаловалась тётя Тамара.

– Понятное дело, надоели ему пионервожатые, – хохотнул дядя Гена чему-то своему и тут же серьёзно добавил: – Переходный возраст, ничего не попишешь, на девчонок потянуло, а там ведь не дают попетушиться.

– Ну ты скажешь, – махнула рукой тётя Тамара. – Рано ещё.

И она ушла в дом.

– Не, наш на девчонок ещё не смотрит, – неуверенно произнесла Полина.

– Так я и поверил...

Дядя Гена подмигнул отцу, проводил гостей до калитки, махнул рукой ожидавшим в сторонке пацанам, издали пробасил:

– Остаёшься, Санёк, у нас. Иди с родителями попрощайся.

Прощание было недолгим и радостно-лёгким, после чего началась наполненная впечатлениями неделя.

Славку, казалось, знал весь город. Даже взрослые парни здоровались с ним, а среди сверстников он был бесспорным лидером. Днями они пропадали на сáжалке – заполненном

мутной водой карьере, где когда-то брали щебень для строительства микрорайона. В промежутках между купаниями играли в карты или делали набег в ближний сад. Сторож, седой крепкий мужик, вылезал из шалаша под старой яблоней, отборно ругался и ускорял шаг, поигрывая увесистой дубинкой. Пацаны неторопливо ссыпались с яблонь, подбирали упавшие яблоки и трусой покидали сад. На сажалку сторож не совался.

Славка отбирал лучшие яблоки и нёс их загоравшим девчонкам, среди которых выделялась белокурая Ольга. Она была года на два старше их. Узкая талия, округлые бёдра и маняще вздымающаяся грудь делали её предметом внимания парней и мужчин. В ответ на подношение она ласково улыбалась Славке, но взглядом уже ошупывала прибывающих на берег, задерживаясь на хорошо одетых мужчинах. Славка к Ольге никого не подпускал.

У неё был и постоянный ухажёр, невысокий плотный боксёр Толя. Он уже работал и осенью собирался в армию. Появлялся возле сажалки вечером, неторопливо раздевался, аккуратно укладывая возле Ольги одежду, ставил начищенные туфли и, поигрывая выпирающими мускулами, неторопливо шёл к воде. Замирал ненадолго, потом вдруг делал резкое движение вперёд и почти без брызг нырял. Выныривал на середине сажалки и долго плавал в одиночестве, периодически приглашая Ольгу присоединиться. Та, приподнимаясь, махала смуглой рукой, но оставалась лежать в окружении подружек, гордясь, что такой видный и сильный парень увивается за нею.

Когда приходил Толя, Славка поднимал пацанов, и они возвращались в микрорайон, находя другие занятия. Чаще всего отправлялись болтаться по городу, выбирая каждый раз новый маршрут и по пути попивая газировку без сиропа – на большее чаще всего не хватало денег. Потом сидели в темноте на берегу безлюдной сажалки, обсуждали девчонок, и однажды Славка нарушил свой собственный запрет, сказав, что самая лучшая фигура у Ольги и что она обязательно будет его девушкой, и даже не девушкой, а женой. Пацаны стали говорить, что она старше и выше его, к тому же у них с Толькой всё на полном серьёзе, и, когда она окончит школу, а Толька отслужит, они сыграют свадьбу, – об этом уже все знают.

– Не будет свадьбы! – Славка вскочил на ноги и, как был, в сандалиях, брюках и рубашке, побежал в воду, споткнулся, упал, сбив о камни в кровь ладони, и тихо, но так, что всем стало не по себе, произнёс: – Или будет моя, или ничья...

В субботу утром дядя Гена объявил, что пришло время культурной программы. Но Славка наотрез отказался ходить по музеям, заявив, что ему там нечего делать, да и велик надо отремонтировать. Тётя Тамара тоже сослалась на свои дела, и они пошли вдвоём.

Из долгого и медленного знакомства с памятниками истории и архитектуры Смоленска Сашке запомнились больше всего тенистая прохлада парка возле красной крепостной стены и эскимо, которое купил ему дядя Гена. И ещё – изгиб быстрого Днепра, хорошо видный сверху. Дядя Гена сказал, что с рыбалкой не получится: лодки у него нет, а с берега ничего не ловится. Сосед, на которого он рассчитывал, уплыл в верховья Днепра за большой рыбой на несколько дней. Но зато в театр они обязательно ходят. И поэтому на обратной дороге они специально сделали крюк, дошли до площади, на которой стояло отличающееся от всех остальных здание театра. И тут дядю Гену ждало разочарование: собственный театр уехал куда-то на гастроли, а в гостях был приезжий, осташковский, и шла арбузовская «Таня».

– Может, ещё раз сходишь? – вопросительно произнёс дядя Гена. – И я заодно с тобой. В театре давно не был и эту самую «Татьяну» не смотрел.

Но Сашка покачал головой.

– Ну, как знаешь, – согласился дядя Гена, и они пошли домой.

По пути дядька купил пару бутылок пива, настроение у него улучшилось, и он стал убеждать Сашку, что это даже неплохо, что за один раз не удовлетворили все желания, – будет ещё повод приехать к ним в гости. А то, глядишь, после школы и учиться дальше надумает здесь в институте, и тогда уж будет время всё посмотреть.

Сашка охотно соглашался. Он нисколько не расстроился, потому что Славка сообщил, что они с пацанами идут пошататься по вечернему городу, и Сашка, отказавшись от глазуньи, настоятельно предлагаемой тётей Тamarой, выскочил вслед за ним на улицу.

Оказалось, в планах было посещение танцев в центральном парке.

В их маленьком городке тоже летом по вечерам за рекой проходили танцы, и в тихую погоду звуки духового оркестра доносились до их дома. Взрослые ребята во главе с Петькой Дадоним ходили туда, и, как правило, эти походы заканчивались драками с заречными. В начале лета, перед тем как уехать к родне в Ярославль, Вовка Короткий тоже пошёл с ними.

Сашка на взрослых танцах ни разу не был. На школьных вечерах он в основном простаивал у стенки, если только его не приглашала Надька Беликова. Танцевать с кем угодно ему не хотелось, а нравилась больше всех Катя, которая предпочитала всем остальным Кольку Жбанова и на белый танец приглашала только его. Пару раз Сашка приглашал Катю, когда Кольки не было, но она танцевала, отстранившись от него и не говоря ни слова. С Колькой же всё время о чём-то щебетала, улыбалась и прижималась, а Надька сказала, что по Катюшке сохнуть даже не стоит: у них с Колькой настоящая любовь, как у Ромео с Джульеттой.

Про Ромео и Джульетту Сашка не читал. Минувшей зимой он прочёл «Трёх мушкетёров» и оба тома «Виконта де Бражелона...» Александра Дюма, каждый день после школы бегая через реку в городскую библиотеку, где в единственном экземпляре в читальном зале были эти книги. Там, обычно в одиночестве, и читал их, засиживаясь до закрытия. И был уверен, что Катя похожа скорее на мадам Бонасье, чем на какую-то Джульетту. Может быть, даже на Миледи. И в первом случае ему хотелось быть темпераментным д'Артаньяном, а во втором – рассудительным и не знающим жалости Атосом...

Танцплощадка была большой, освещённой со всех сторон мощными прожекторами. Под козырьком играл эстрадный оркестр. Народу было много, но большинство или стояли по сторонам площадки, или толпились перед входом, у которого, сурово нахмурясь, возвышались два мускулистых парня-дружинника с красными повязками, прикрывая собой худенькую, похожую на подростка женщину-контролёра.

Славка оставил ребят на аллее недалеко от входа, сам куда-то исчез и спустя несколько минут вернулся злой.

– Всё, пацаны, сегодня мы его проучим! – заявил он не терпящим возражений голосом.

– Кого? – поинтересовался Сашка.

– Недогадливый у тебя брательник, – сказал Герка, лучший Славкин друг, с первой встречи не испытывавший к Сашке симпатии. – Толяна учить будем, деревня.

– За что? – опять удивился Сашка.

Тут и остальные пацаны загомонили, загоготали, хлопая себя по животам, словно он сказал что-то очень смешное.

– Ладно, ты останешься, – прервал гогот Славка. – Отвечать за тебя...

– Ещё чего! – обиделся Сашка. – У нас тоже из-за девчонок дерутся. Только старшеклассники. И глупо это – ты же её не заставишь с тобой дружить.

– Мал ты ещё, – отрезал Славка, не вдаваясь в разъяснения, и повернулся к остальным: – В общем, так, пацаны, ждите меня на скамейке. – Он махнул рукой в глубину аллеи, где было потемнее. – Я скомандую, когда начинать.

Сашка обиженно стоял в стороне. Хотел напомнить Славке, что он старше всего-то на полгода, а то, что выше ростом, ничего не значит, он ещё догонит. Но тот стремительно исчез.

Обида не проходила. Подумал, может быть, пойти домой, но отогнал эту мысль: все тогда решат, что он струсил. Хотя драться, тем более бить одного, не хотелось. Ему доводилось участвовать в уличных драках с теми же заречными или леспромхозовскими, забредавшими на их территорию, суматошных, громких, жестоких, когда в ход шло всё, что подворачивалось под руку, но после них кроме шишек и синяков всегда возникала жалость и к себе, и к такому

же побитому противнику. К тому же мушкетёры признавали честный поединок, и Сашка считал, что, если Славке так хочется, он должен подраться один на один с Ольгиным ухаждёром. Конечно, в этом случае шансов у Славки никаких, но зато это будет честное поражение.

Пока ждали Славку, чуть несколько раз не сцепились с другими пацанами, а один раз даже пришлось убежать от дружинников, привлечённых эмоциональными Геркиными инструкциями, подкреплёнными наглядными действиями, как вести себя в будущей драке.

Наконец в светлом конце аллеи появилась Ольга с подругой. Они приближались, весело переговариваясь и пританцовывая, чуть в стороне неторопливо вышагивал Толька, а следом крался Славка. Как раз возле ожидавших пацанов он опередил болтающих подруг и встал перед Толькой.

Тот чуть не налетел на запыхавшегося Славку, удивился:

– Ты чего?

Герка глянул на пацанов, сделал пару шагов вперёд и встал рядом со Славкой.

– Они пусть идут, – неожиданно охрипшим голосом произнёс Славка, не глядя на девчонок.

– Рита, пошли, – неуверенно произнесла Ольга, подхватывая подругу под локоть и проходя между ребятами. – И ты, Толь. Обещал же проводить? – неожиданно просительно, оставившись с нескрываемым любопытством глядя на Славку, произнесла она.

– Я вас догоню, – отозвался Толька и, выждав, когда подружки немного отойдут, с угрозой произнёс: – А ну, мелюзга, отбрызни.

И тут неожиданно для себя Сашка встал рядом со Славкой, вдруг ощутив их кровное родство и видя в широкоплечем боксёре собственного соперника – Кольку Жбана.

– Это мы мелюзга? – выплеснул он нерассосавшуюся обиду. – Оставь в покое Ольгу, она не для тебя.

– А ты ещё откуда такой?

Толька стремительно выкинул вперёд руку с жёстким кулаком, и Сашка не понял, как он очутился на земле. И уже снизу он видел сталкивающиеся, переплетающиеся ноги и тела, слышал разноголосый, нечленораздельный и невоспроизводимый крик, а потом вскочил, уступая место то ли Герке, то ли ещё кому, и рванулся в гущу тел, в центре которой должен был находиться Толька. Но вдруг оттуда что-то вырвалось, побежало по аллее, и следом разнеслась прерывистая дробь милицейского свистка...

– К сажалке! – услышал он Славкин голос и побежал следом за ним в темноту, под деревья, понимая, что может заблудиться в этом незнакомом ему месте, и стараясь не отстать от пацанов, подгоняемых пугающей трелью и громыханьем тяжёлых ног. Может, оттого умудрился даже обогнать всех, не спуская глаз со Славкиной спины.

Наконец трель затихла, освещённая аллея осталась далеко позади, Славка замедлил бег, остановился, поджидая остальных. Сплюнул, потрогал челюсть, спросил шумно дышащего Сашку:

– Цел?

Тот не успел ответить – подбежавший Герка лихо цвиркнул, произнёс с присвистом:

– Зуб, зараза, выбил.

– Совсем? – зачем-то уточнил Славка.

– Не, – радостно отозвался тот. – Сломал. А он у меня слабый был, я им орехи щёлкал. Но зато я ему по шнобелю врезал.

Подбежавшие пацаны падали на траву, наперебой рассказывая, кто куда попал.

– Брательник у тебя ничего, – сказал вдруг Герка. – Не трус.

Из темноты донеслись голоса. Кто-то интересовался, стоит ли идти дальше, и враз при молкшие пацаны разглядели невдалеке смутные тени дружинников. Славка поднял руку, махнул вперёд, и они молча, друг за другом, стараясь не шуметь и задыхаясь от невысказанных

впечатлений, побежали в сторону дыры в кирпичном заборе, через которую ближе всего было к сажалке...

На следующий день за Сашкой приехала мама. Сашкин синяк и Славкину вспухшую губу они списали на вечернее неудачное ныряние в сажалку, испачканную одежду – на товарищескую борьбу, за что всё равно получили взбучку: дядя Гена явно не поверил. Лишь спустя несколько месяцев Сашка узнал, что Толька пацанов по одному так и не изловил, потому что через несколько дней его отправили на спортивные сборы, а потом – на соревнования, и вернулся он только в сентябре. Пацаны уже ходили в школу, а он работал, потом его забрали в армию, и он укатил на Балтийское море, так как сам захотел служить на подводной лодке. Славка стал гулять с Ольгой, отгоняя от неё желающих закадрить. Она даже позволяла ему поцеловать себя, хотя считала маленьким. Об этом Сашка узнал в свой зимний приезд в Смоленск...

...Пионерский лагерь, где он провёл почти весь август, находился в сосновом бору, в сорока километрах от их города ниже по течению. Сашке не понравился режим, минутное купание в отгороженной сеткой реке, ежевечерняя долгая переключка возле флага, сопровождаемая беспощадными укусами комаров.

Понравился сухой, остро пахнувший смолой бор. Недалеко от лагерной территории, на берегу реки, в одну из самовольных отлучек они с Витькой Заречным, с которым он подружился, нашли заросшие окопы. Здесь наши солдаты в самом начале войны долго держали оборону и все до одного погибли – об этом им рассказал директор лагеря. Пацаны облазили их, нарыли немало гильз и обязательно нашли бы ещё что-нибудь более существенное, если бы не надо было делать это тайком и смена длилась бы дольше.

А ещё Сашке понравилась пионервожатая Лика, она училась в педагогическом институте в Смоленске. У неё были лучистые глаза и мелкие ямочки на щеках, когда она улыбалась. Лика выделяла его, позволяла нарушать режим и на прощальном костре увела за домики, учила целоваться...

Вернувшись из лагеря, Сашка вместе с Вовкой Коротким, уже приехавшим из Ярославля, хотел сходить на городские танцы, но тот его отговорил, объяснив, что одному или вдвоём лучше на той стороне не появляться и тем более девок заречных не приглашать, потому что небитым потом не уйдёшь, а если уж идти, то вместе со взрослыми парнями. Но те всё никак не могли собраться, и в конце концов желание перегорело.

Пару раз они сходили вдвоём на дадоновской лодке вверх до Ястребской головки на рыбалку, но поймали совсем мало. Потом Вовкин отец, вернувшись с заработков, взялся ремонтировать сарай и заставил Вовку ему помогать.

Катя тоже на лето куда-то уехала. Сашка каждый вечер прогуливался возле её дома и однажды столкнулся с Беликовой: она за лето сильно изменилась, почти догнала его ростом, хотя ещё весной была на полголовы ниже, грудь у неё стала оттопыриваться, а коричневые от загара ноги приобрели округлость. Но самое главное – в её глазах появился странный блеск, а большие яркие губы теперь всё время чему-то улыбались.

Беликова встрече обрадовалась, сообщила, что Катя ещё не приехала из Подмосковья, у неё там родня, рассказала, что всё лето провела с отцом: ездила с ним и в Псков, и в Новгород, помогала восстанавливать старые картины – и теперь знает, куда пойдёт после школы учиться, и вообще было так интересно, с ними ездили студенты-практиканты, будущие художники, очень талантливые, весёлые... А почему он такой грустный? Плохо отдохнул?.. Ну почему, в пионерлагере тоже можно отдохнуть, хотя, конечно, режим, дисциплина – занудно. Другое дело – вот так, как она: новые города, встречи...

– Не торопишься?

И тут же подцепила его под руку (раньше она так никогда не делала, и он никого так не держал), повела к берегу, продолжая рассказывать, как это сложно – восстановить старую картину, на которой ничего разглядеть невозможно, какое должно быть внимание, терпение.

– А я зато с пионервожатой целовался, – вдруг выпалил Сашка.

Беликова придержала шаг, убрала руку, отстранилась, вызываясь глядя на него – то ли оценивая, то ли показывая себя. И, уверенная, что неплохо выглядит в белоснежной кофте да короткой цветной юбке, выставила вперёд правую ногу, словно демонстрируя аккуратные белые туфельки.

– С пионервожатой?.. Подумаешь. В меня один художник взрослый влюбился.

– А я целовался.

– А он меня на руках носил.

– Потому что ты лёгкая, – неожиданно заявил Сашка, чувствуя волнение.

Сумерки становились всё гуще, хорошо видимый отсюда паром уже начинал терять очертания, а звуки разносились над водой всё отчётливее. На той стороне возле лодок купалась парочка. Мужчина в воде обнимал женщину, и сюда доносился её воркующий голос.

Сашка вдруг понял, что изменилось в Беликовой. Многообещающий блеск её глаз неудержимо манил, вызывал сердцебиение, и он, не в силах сопротивляться этому зову, протянул руку, намереваясь дёрнуть Беликову за короткую косу, в которую превратились две привычные косички, но неожиданно для себя нежно провёл по волосам ладонью, вдохнул тонкий запах прогретых душистых трав, теряя ощущение реальности, быстро коснулся губами её полураскрытых влажных губ и тут же, отстранившись, выпалил:

– Целоваться интереснее.

Беликова отвернулась, ничего не говоря, прошла к скамейке, с которой когда-то они с Катькой наблюдали за тонущими одноклассниками, и негромко сказала:

– Ты мне нравишься, Саша. Но тебе же нравится Катя? Хотя она тебя совсем не любит.

– А я, может быть, её тоже не люблю, – с вызовом произнёс он, подойдя к скамейке.

Стоя напротив, он разглядывал округлившиеся плечи, длинную тонкую, вызывающую неведомое прежде чувство нежности шею и вытянутую вперёд красивую ногу в очень даже красивой туфельке. И признался:

– Ты мне сейчас тоже нравишься.

– Больше, чем пионервожатая?

– Пионервожатая? – хмыкнул он. – Она – старуха. Это я так... Мне нравилась в Смоленске одна девчонка, за ней все парни там ходят, – вдруг вспомнил он Ольгу. – Дерутся даже из-за неё.

– И ты тоже дрался? – вскинула глаза Беликова.

– Я?... – Сашка помедлил. Вспомнил Толю-боксёра и сказал: – Дрался. С хахалем одним взрослым. Привязывался к ней.

– Правда? – Беликова вскинула глаза, вытянула шею, раскрыла рот, и Сашка, наклонившись, чмокнул её в тёплые сладкие губы, потянул её за руку.

– Пойдём погуляем. – И деловито добавил: – Он от нас сбежал.

– Так ты был не один?

В голосе её прозвучало разочарование.

– Я тебе говорю: он взрослый. Боксёр, – обиженно произнёс Сашка, отпуская её руку, но она не позволила, перехватила своей, горячее, сильно сжала и шёпотом, прижавшись к нему, спросила:

– Ты страдаешь?

– Почему? – удивился он.

– Ну как же – разлука, – протянула она. – Ты – здесь, она – в Смоленске.

– А у неё там есть парень, – смутился Сашка.

– Значит, она тебя не любила, – сделала вывод Беликова. – А я о тебе вспоминала. Даже когда меня на руках носили. А ты обо мне?

Она остановилась, приблизила лицо, и он не отвёл взгляда, кивнул, потому что сейчас ему казалось, что он действительно вспоминал о ней, хотя на самом деле ни разу даже не подумал.

– Врёшь, – вдруг сказала она, увернувшись от поцелуя, но руку не отпустила, решительно повела за собой на улицу, мимо Катькиного дома, к каменному мостику, за которым жила.

И здесь, уже в полной темноте, остановившись у калитки, сама обхватила его за шею и поцеловала долгим до головокружения поцелуем и ускользнула, прошелестев: «До свидания», оставив Сашку в растерянном и радостном возбуждении...

Он чувствовал себя окрылённым, сильным, уверенным, ему даже захотелось заглянуть к угрюмым братьям Григорьевым, в маленьком оконце которых тускло светила керосиновая лампа, – теперь он их совсем не боялся.

...С Беликовой они теперь гуляли каждый вечер, но не допоздна.

Надина мать была строгой, да и Сашкина тоже не стеснялась по вечерам кричать на него на всю округу. Они просиживали на скамеечках или, спрятавшись в зарослях сирени, целовались подолгу и до боли.

Вовка догадливо вздыхал, провожая взглядом принаряженного друга, и неохотно шёл помогать отцу. Малышня уже заметила их и не давала проходу, обзывая женихом и невестой, и Надя каждый раз выбирала новый маршрут. Но и на самых тихих улочках всегда находились любопытные глаза, и скоро вся правая сторона знала о том, что малой Жовнер и дочка художника из Смоленска дружат всерьёз.

Приехала Катька. Надя зашла за ней, и они вместе пришли к реке, где ждал Сашка. Катя тоже изменилась. Она стала ещё выше и теперь почти догнала Вовку Короткого. Грудь у неё была больше, чем у Нади, бёдра – шире, и, когда они стояли рядом, Катя выглядела старшей сестрой. Коричневые глаза словно смеялись, разглядывая всё вокруг, их нельзя было не заметить, как и роскошную русую косу до пояса. И Петька Дадон, пробегающий мимо них к парому, не удержался:

– Ну, Катюха, ты совсем заневестилась. Погодь меня, в армию вот схожу... По-соседски и сойдёмся.

– А я в жданки не играю, – весело ответила та. – И здесь оставаться не хочу.

– Ну да, принца ждёшь, – прокричал тот, сбегая по тропинке. – А принцы только в сказках, глупенькая.

– Это для тебя.

С Сашкой Катька поздоровалась кивком головы, продолжая слушать восторженный рассказ подруги. Когда та замолчала, ожидая такого же монолога о происшедшем за время, пока не виделись, Катька сказала, что отдыхала на дачах под Москвой, там была великолепная компания москвичей, все перезнакомились, подружились, обменялись адресами.

– Понравился кто-нибудь? – не сдержала любопытства Надя, совсем забыв о стоящем возле них Сашке.

– Понравился, – вскинула чёрные густые брови Катя. – Будущий офицер...

– Такой взрослый? – удивилась та. – Целовались?

– А ты всё хочешь знать?

Катя фыркнула, побежала по тропинке вниз к воде.

Надя заторопилась следом, а Сашка остался, присел на скамейку, мысленно сравнивая тонкую и угловатую Надю и притягательно высокомерную Катю...

Теперь по вечерам они стали ходить втроём. Подруги без умолку щебетали, а Сашка дулся и злился. Надя уже не казалась ему такой необычной, а Катю всё больше хотелось поцеловать, но одновременно он стеснялся идти с ней рядом из-за роста. Как правило, он держался на некотором отдалении, в разговор вступал неохотно. Порой перехватывал заинтересованные

взгляды Кати и по ним догадывался, что об их отношениях с Надей она всё знает. И, скорее всего, знает и о пионервожатой Лике, и об Ольге... От этих взглядов ему становилось необъяснимо радостно, и он думал, что обязательно подрастёт, нагонит Катю, и тогда ни неведомый курсант, ни Колька Жбанов, подрабатывавший летом в сплавной конторе матросом, загоревший до черноты и накачавший мускулы, не смогут её никуда увезти. А он будет носить её на руках...

Потом прогулки кончились, наступил сентябрь, и состоялась первая школьная линейка, на которой все с трудом узнавали друг друга и удивлялись, какими они стали. Колька Жбан предложил отметить это событие у него, и они в первую учебную субботу почти всем седьмым «Б» пошли к нему в гости. Поздним вечером, после весёлой посиделки, они дружной гурьбой возвращались домой. Одноклассницы всё о чём-то говорили, но Сашка ничего не понимал, потому что думал о Жбане и Катьке, которые обнимались на пляже возле деревянного ледореза и целовались так, что далеко было слышно...

А на следующее утро приехал дядя Семён.

Дядька из Сибири

Он был высокий и крепкий, и мать почти спряталась в его объятиях, а Сашка полетел под потолок, не успев ничего ни понять, ни испугаться, потому что дядю Семёна он помнил смутно и совсем другим – тот гонял его, маленького, от реки, когда рыбачил. А ещё он помнил, как дядю провожали в армию и взрослые женщины плакали за столом в дедушкином дворе, потому что армия была где-то так далеко, что дядя Семён не смог приехать ни на похороны деда Ивана, ни на похороны бабки Марфы. И вот теперь он опустил его на пол, стоял, обдавая густым запахом одеколона, белея накрахмаленной рубахой, а мать уже суетилась, собирая на стол, и отец чинно присел на лавку, готовясь выслушать женину родню.

– Ну ты уже совсем большой. – Дядя Семён оглядел Сашку ещё раз. – Хорошо, что не стал ничего покупать. Полина! – повернулся к сестре. – Я тебе денег дам, ты моему племяннику, чего надо, купи.

– Сём, да ничего не надо.

– Ладно, я знаю.

Он вскинул на стол большой чемодан, распахнул его, стал доставать красивые блестящие плитки шоколада, потом – бутылки с невиданными наклейками.

– Армянский коньячок, наилучший, в Москве брал, – пояснил дядя Семён. – А это тебе, Поль, – вытащил яркий, в красных цветах, отрез. – Платье сшей. Пока я тут буду.

Полина всплеснула руками.

– Дорогой ведь...

– Не дороже денег, сестрёнка!

Достал коробку с нарисованной на ней спиннинговой катушкой, протянул Ивану.

– Это тебе. Щук-то ловишь?

– Бывает, – отозвался тот и неторопливо раскрыл коробку, вытащил блестящую большую катушку. – В самый раз угадал, а то все из строя вышли. Ленинградская.

– Я тебе ещё вышлю в посылке, – махнул рукой дядя Семён. – Не переть же через всю страну. – И засмеялся недосказанному.

– А я коньяк один раз всего и пробовал, – сказал Иван, вертя в руках бутылку. – В сорок пятом, в Риге. Там склады штабные растаскивали, и нам маленько перепало. Но другой был. Французский.

– Понятное дело, у них откуда армянский.

– Клопами пахнет.

– Это смотря как пить. Если кружками, то точно. А я привык. Но есть и беленькая. – Из бездонного чемодана он вытащил две прозрачные бутылки с длинными горлышками. – «Столичная», самого высокого качества.

– Не пил, – признался отец. – Мы тут больше самогон потребляем.

– Ну-ка, подставляй ладони. – Дядя Семён сложил четыре плитки шоколада, протянул Сашке. – Держи, с друзьями поделишься.

– Зачем так много? – Полина поставила на стол шкварчащую яичницу. – Сынок, ты их спрячь, помаленьку бери.

Сашка помялся, поглядывая на мать, потом ушёл в свою комнату.

– Брось ты, сестрёнка, пусть пацан наедается. Надо будет – ещё купим. Что вы, в самом деле, жлобствуете. На, держи. – Широкой мозолистой ладонью он подхватил остальные плитки, выложил на стол, ловко развернул одну. – Коньяк им закусывают.

– А мы не жлобствуем, – скрывая обиду, возразила Полина. – Только на мои шестьдесят и Ванькины восемьдесят широко не разбежишься. Да и не бывает у нас такого, не завозим. Кто покупать-то станет? Коньяки у нас только начальство пьёт, а шоколад их дети едят.

- Ладно тебе, – насупился Иван. – Посуду давай.
Полина выставила стопки.
- А рюмок нет? – поинтересовался Семён.
- Не разжились за ненадобностью, – отозвался Иван, открывая бутылку «Столичной».
- Вышел Сашка.
- Мам, я пошёл.
- Куда? – спросила Полина. – А завтракать?
- На рыбалку. Я шоколадку взял.
- Давай, племянш, продолжай традицию, у нас в роду все рыбаки. – Семён проводил Сашку взглядом. – Я уезжал, он ведь во был, – показал рукой ниже пояса. – Бежит время. Это сколько ж я не приезжал?
- Лет десять, – вздохнула Полина, присаживаясь рядом с мужем и любовно глядя на брата. – Уж мамку пять лет как похоронили.
- Не мог, сестрёлка, приехать, не мог.
- Семён налил в рюмку коньяку, посмотрел на Полину.
- Тебе чего?
- А давай этого твоего попробую. Чего его так начальство любит?
- Кто его знает. А насчёт клопов – привыкаешь и не чувствуешь.
- Только немного. – Она придержала бутылку за горлышко.
- Давайте помянем мамку с папкой, – поднял стопку Семён.
- Выпили не чокаясь, молча закусили.
- А я дом-то ваш не видел толком. – Семён покрутил головой. – Справный дом. Порося держите, вижу.
- Курей ещё, – подсказала Полина.
- Картоху садите.
- А без неё не проживёшь.
- Давай за встречу, – разлил Иван.
- Давай.
- На этот раз звонко чокнулись, и Полина недопила, отполовинила.
- А чего так? – поинтересовался Семён. – Сегодня выходной вроде. Всесоюзный.
- Да хозяйство ж... И к портнихе схожу. – Полина кинула взгляд на отрез, лежащий на подоконнике.
- Это надо. Это понятно, женский нетерпёж.
- А ты женился или всё один?
- Один остался. – Семён посерьёзней, потянулся за бутылкой. – Давайте по третьей, как положено, за нас, а потом беги к своей портнихе.
- Выпил, не ожидая остальных, зажевал долькой шоколада.
- Когда батя помер, я телеграмму-то через неделю только увидел. Мы тогда на трассе были, в тайге, ЛЭП ставили, торопились до весны закончить, пока земля мёрзлая, вкалывали без выходных. И связь с миром – от вертолётки до вертолётки. Домой вернулся, а уже и девять дней скоро. И помянуть нечем, сухой закон у нас был.
- Он помолчал, вертя в руках рюмку.
- А когда мамка померла, телеграмма вовремя пришла, я отпуск мигом оформил, на аэродром начальник на своей машине отправил, а тут запуржило на четыре дня. Все четыре просидел в вагончике дежурного – ни одного борта, даже грузового. Вот так получилось.
- Поднял голову, взглянул на Полину.
- Завтра сводишь... Нет, сегодня давай к ним ходим.
- Ходим, – согласилась Полина. – Как жил-то? Я Сашку попросила, чтоб показал на карте в учебнике, – далеко-о-о... Там же холодно, и зима всё время.

– Привыкаешь. Служить-то меня в Комсомольск-на-Амуре привезли. Дальше только Колыма да Сахалин. Там и демобилизовался. Домой собрался вертаться, да Зинку зацепил. Она в столовой работала. Пацан у неё маленький был... Два года мы с ней пожили.

– Пацан твой, что ли?

– Да нет, от первого её. Она потом с ним опять и зашурмурила. Я по снабжению в партии геологической работал, разъезды частые, а они опять и спелись. Я рассчитался, в поезд сел, решил: всё, домой еду. А в вагоне-ресторане с одним вербовщиком разговорился, тот и уболтал. За Байкал переехали, я и сошёл с ним. Есть там такая речка, Мамакан. Вот на ней гидростанцию мы строили. Там я трассу под ЛЭП и бил. Там и на аэродроме сидел. И с Ирккой жить начали. Сейчас покажу.

Он снял с гвоздя на стене пиджак, вытащил из внутреннего кармана объёмистый бумажник, достал оттуда фотографию, протянул Полине.

– Красивая, – сказала та, передала Ивану.

Тот посмотрел, вернул Семёну.

– Гарная дивчина.

Семён вздохнул.

– Из Одессы.

– Ну и чего же ты с ней не приехал? – поинтересовалась Полина и догадливо добавила: – Не слюбились?

– Слюбились. Только детей вот нет. Болеет она.

– Так лечиться надо.

– Лечилась. И на моря мы с ней ездили, и в санатории. Эскулапы говорят, надежды никакой. – Он повесил пиджак. – Уехала она прошлой зимой к себе в Одессу.

– Как уехала?

– Сказала, что не хочет мне жизнь ломать. Я ж всё о сыне ей талдычил, пока не разобрался, что к чему. Она – на юг, а я – на север подался от тоски, новую гидростанцию строить, заполярную. Оттуда вот сейчас и прибыл. У нас лето уже кончилось – дай, думаю, ещё зацеплю кусочек, два года уже из снегов не выбирался. У меня ж путёвка через неделю на Кавказ, ванны-грязи принимать.

– А я думала, ты совсем вернулся.

– Не-е, сестрёнка, засосали меня снега, а может, деньги большие. Я ведь копейку не считаю. Живу как хочу... В батькином доме, ты писала, Мишка с семьёй теперь?

Полина кивнула.

– Я на него особо уже не в обиде и, как писал, от своей доли отказываюсь. Только в твою пользу.

– Да пусть, Сем, живут. У него две девчонки. Да и вам пора помириться, братья всё ж таки. Кровь родная.

– Помиримся, я зла не держу. Но и не забыл ничего.

– Ты тоже виноват.

– Ладно, встретитесь – разберётесь, – вмешался Иван. – Дело житейское. У нас тут и сейчас каждый выходной брат на брата по пьяни кидается. – И уточнил: – Так, говоришь, большие деньги зарабатываешь?

– Нормальные. На всё хватает. Там у меня жить есть где, у нас же рыбалка, охота – не сравнить с вашей. Вот думаю лодку купить, мотоцикл «Урал» с коляской, а то машину взять – записался на очередь.

– А чем же ты занимаешься?

– Бригадир я. На Мамаканской бетонщиком был, разряд у меня самый высокий, а сейчас плотниками команду, посёлок пока строим. Я в десанте был в числе первых. Высадили нас с вертолётка: скала над рекой, тайга жиденькая, с мамаканской не сравнить, и ближайшее жильё

за сто вёрст с гаком. Игарка да Дудинка. И Норильск чуть дальше. До первых двух по воде можно, а в Норильск только вертолётном. Слыхали про такие города?

Иван покачал головой.

– Игарка – на Енисее порт такой речной, лес там грузят на корабли морские, а те везут на материк. Дудинка тоже недалеко. А Норильск – большой город, дома кирпичные, высотные, красивые. И магазины большие, а в них всё есть.

– Как это всё? – перебила Полина. – Прямо всё-всё?

– Из продуктов всё. Колбас сортов двадцать, а то и больше, мясо всякое, даже оленина бывает. Ну зверь там такой живёт, навряде лося. Рыбы валом всякой. Шоколада, конфет – глаза разбегаются. Вина разные, иностранные, консервы...

– Масло сливочное?

– И масло, конечно, фрукты даже зимой.

– А фрукты-то откуда?

– Привозят. Самолётами.

– А механизаторы тоже хорошо зарабатывают? – вмешался Иван.

– Не меньше моего. У нас же полярные, коэффициент. Сотни три, а то и больше получается.

– Ну да. – Иван налил Семёну коньяка, себе – водки. Полина прикрыла свою стопку ладошкой. – Давай за Сталина выпьем.

– С чего это ты? – вскинулся Семён. – Давно уж нет «отца народов», а ты вспомнил. – И, не дождавшись ответа, согласился: – Ладно, помянем и его, человек всё-таки был. Благодаря ему, можно сказать, Норильск построили, для которого мы теперь ГЭС строим. Вот тебе связь... Ты можешь за него выпить, а я – за своё, не обессудь.

Иван выпил, закусил. Сказал:

– Он нам после войны жизнь как в раю обещал. Всем фронтовикам, говорил, работать не надо будет, пенсион ежемесячный за кровь пролитую выдавать станут, как сыр в масле кататься живые будут. Выжили мы, вернулись домой – оказалось, потерпеть надо, разрушенное восстанавливать. Понятное дело, рукава засучили. И правда, скоро талоны отменили. Ты их не помнишь.

– Помню. Ты с какого года?

– С двадцать четвёртого.

– А я с тридцать пятого. А талоны отменили – я уж немаленький был.

Иван помолчал и продолжил:

– Цены каждую весну снижал. А потом помер, и о нас забыли. Всё, райской жизни не будет, сказали. А вот теперь говорят: лет через двадцать коммунизм построим и заживём. Это сколько ж мне будет через двадцать лет? И на кой мне тогда этот коммунизм?!

– Вань, ну ты ещё про политику начни, – недовольно произнесла Полина, поднимаясь. – Болтаете всякое с Касиковым. И выпивать хватит. Мы же на кладбище собирались.

– Да, пойдём обязательно, мамку с батюшкой навестим. И к Мишке зайдём, – сказал Семён. – Родичей соберём, посидим как положено. А насчёт коммунизма... – Семён поднялся. – Так он уже есть, но не для всех. Были и есть паны, и есть холопы. А бывают такие места, где почти коммунизм. Я вот своей жизнью доволен. Хочешь, поедем со мной?

– Ладно тебе, – махнула рукой Полина. – Сам пропал и нас за собой.

– Пропал, говоришь?

Семён вновь вытащил из кармана пухлый бумажник, развалил его, достал толстую пачку денег, сберегательную книжку.

– Гляди, сестрёнка. Вот тут у меня на текущие расходы полторы тыщи, а на книжке ещё три. Если не хватит, сертификат есть...

– Тыщи? – Полина осторожно потрогала деньги. – Заработал?

– Да не вор я, – засмеялся Семён. – Меня даже грамотами награждали, может, и орден дадут скоро. – Повернулся к Ивану: – Я ж говорю, жить можно. Я в Норильск по делам летал, там с дедом одним познакомился, тот за политику сидел. Потом, правда, списали с него судимость – ошибочная, мол. Так он город начинал строить. Ничего, говорит, кроме тундры и оленей, не было. Много всякого мне порассказал. Пожил бы ещё «отец народов» – всё равно обещанного вам, фронтовикам, не выполнил бы.

– Он сказал, войну выиграем, – и выиграли.

– Ладно, Ваня, спорить сегодня не стану. Только могу точно сказать: у вас здесь райская жизнь не наступит и коммунизм не придёт. А вот у нас жить по-людски можно. Хоть холодно бывает и зима длинная.

Семён поднялся, прошёл к умывальнику, шумно фыркая, поплескал в лицо, глядясь в выщербленное зеркальце, закреплённое на стене, спросил:

– А банька-то у вас есть?

– Нет у нас. Мишка батькину подправил, туда ходим. Вчера вот как раз были, – отозвалась Полина.

– Значит, сегодня ещё протопим, – сказал Семён, выходя во двор.

Иван вышел следом.

Полина наскоро убрала со стола, ополоснула лицо, вымыла руки с хозяйственным мылом. Развернула отрез, встав перед недавно купленным трюмо, приложила к себе, покрутилась, потом аккуратно свернула, положила в комод. Из-под простынь в нижнем ящике достала трёшку, подумав, добавила к ней ещё два рубля, пересчитала оставшиеся, вздохнула и взяла ещё рубль. Вышла во двор, высыпала сечки курам, пройдя на берег, покричала: «Сашка!» – но тот не отозвался, и она вернулась во двор.

Мужики сидели на приступке крыльца, подставив уже нежаркому сентябрьскому солнцу тела – поджарое, загоревшее до черноты Иваново и белое, широкое, с буграми мышц Семёново. Полина провела по спинам ладонями, словно вбирая одновременно и их непохожесть, и похожую силу, отчего вдруг всплеснулась радостная уверенность в том, что теперь она надёжно защищена от всех невзгод, весело произнесла:

– Ну что, мужчины вы мои, идём? – И добавила: – Надо бы Сашку взять, давно деда с бабой не навещал.

– Так ты же звала, – поднимаясь, сказал Иван.

– Нету его.

– Рыба-ачит, – протянул Семён. – Не порть пацану праздник. Помню, мамка как с берега крикнет, а тут самый клёв, и так обидно... Не порть. Мы с ним потом сходим.

У мостика столкнулись с дедом Суриком. Тот неспешно ковлял к своему дому от колодца, раскачивая на коромысле чуть выше середины наполненные вёдра. Перед принаряженными Жовнерами остановился, близоруко щурясь, оглядел Семёна.

– Что это за хлопец, Вань, с твоей жинкой обнимается?

– А ты, дедуля, чего с половинками ходишь? Удача наполовину не бывает: она или есть, или её нет.

– Бойкий... Только глядеть не умеешь. С твоего боку не видно удачи, вроде наполовину пустые ведра, а с моего – так она булькает, с моего они наполовину полные. – Дед переступил, отчего вёдра закачались, выплёскивая воду. – Видал – моя правда, тесно водичке в них. Чей же, не признаю?

– Да Сёмка это, брат мой!

Полина подцепила Семёна под локоть, стала обходить деда.

– Теперь вроде чуть признал. Рыбак заядлый был. Покойная Марфа всё его кликала. И с девками всю сирень мне ободрал...

– Надо же, запомнил, – удивился Семён. – Каюсь, было дело. Девка была стоящая.

- Это кто ж? – поинтересовалась Полина.
- Да вроде Настя Макеева. А может, какая другая.
- Ничё удалец-молодец вымахал, – встрял дед. – В гости али насовсем?
- В гости, – обернулась Полина, не отпуская руку Семёна.

Они перешли мостик, а дед Сурик всё смотрел им вслед и только потом, неторопливо переваливаясь, двинулся по пыльной улице.

Пока дошли до каменного моста, повстречали немало знакомых. Полина, идя между мужем и братом, охотно отвечала на расспросы. Семён приглашал всех заходить в гости и удивлялся, что не встретил ни одного своего знакомого. Сестра рассказала, что его погодки – кто не вернулся, как он, после армии, кто потом уехал, а кто и спился. Дружка Митьку Саврасова давно деревом на делянке придавило – зазевался, выпивший был.

– К нему тоже зайду, – после паузы сказал Семён. – А девки? Они-то не спились и в армию не ходили?

- А я твоих девок помню? Их сколько было-то... – отозвалась Полина.
- Ну, Настёна здесь, как я понял.
- Здесь, в леспромхозе учётчицей, – сказал Иван. – За Васькой Трепловым замужем.
- Чего-то не помню такого.
- А он моложе её лет на пять.
- Во подцепила Настёна мальчика...

Семён вдруг остановился на развилке, откуда большак уходил в сторону кладбища, а узенькая, на одну подводку, улочка – к родительскому дому.

- Пошли к Мишке, – сказал он.
- А на кладбище?

– После. И в магазин зайти надо. И вот что, сестрёнка... – Он вытащил бумажник, достал деньги, отсчитал, протянул Полине. – Тут две сотни, это тебе. И чтоб платье сшила. Сашке чего-нибудь купи, и на всё про всё...

- Ну тебя! – Полина замахала руками. – У нас есть деньги, а тебе ещё ехать.
- У меня на всё хватит.

Семён вложил деньги ей в руку.

– Надо чего-нибудь в магазине купить. Колбасы там, сыра, сладостей... племянницам моим. Сколько им?

- Вальке скоро девять, а Надьке – шесть. Только колбасы у нас не бывает. И сыра тоже.
- А что же бывает?
- Хлеб покупаем, селёдку привозят, консервы бывают, крупы, макароны...
- А водка?

– Водка всегда есть, – вмешался Иван. – Вино наше, запах чуешь?

– А я думал, гниёт где что... Ладно, давайте хоть водки возьмём, вина женщинам. И селёдки, пожалуй...

– К магазину назад надо вертаться, – сказала Полина.

– Вы тут на скамеечке посидите, – махнул рукой Иван на голубенькую скамейку под окнами аккуратного, обшитого досками дома. – Я быстро.

Полина протянула ему деньги, и он заторопился в сторону реки, к орсовскому магазину. Семён опустился на скамейку.

– Чего-то дома этого не припомню. Тут вроде раньше какие-то старики жили?

– Те уж померли давно, а дети их продали приезжим, молодым. Мы их не знаем. Он вроде в сплавной на катере работает, а она с детьми.

– Да... Всё течёт, всё меняется, – вздохнул Семён. – Мне казалось, наша улица и широкая, и длинная, а гляжу сейчас – совсем маленькая, перепрыгнуть можно. Сплавной конторы раньше не было, а тут катера по Двине шастают. И леспромхоза не было. Гончарную мастер-

скую помню, дед Сурик там командовал, батьку помню за кругом гончарным... Сыродельню – возле неё в реке голавль всегда держался, ручеёк оттуда пахучий стекал. Да этот ещё, масло-завод. Пасеки вокруг города. И кони были...

– Теперь ещё мебельная фабрика есть, – с гордостью произнесла Полина. – Комоды делают, шкафы. У нас комод видел? Говорят, расширяться будет, ещё с зеркалами начнут делать, да кровати... А ты насчёт колбасы не переживай, найдётся у Мишки, чем закусить. Лизка корову, поросёнка держит, уток, и он рыбачит без продыху.

– Не работает?

– Сторожит в леспромхозе. День там, два – на реке.

– Он же плотничал? По деревьям калымил.

– Так я ж тебе писала! – вскинулась Полина. – Докалымил. Допился до того, что удар чуть не хватил, руки-ноги отказали. Зато теперь в рот не берёт.

– А я понял, что переболел.

– Да если б... Руки совсем слабые стали. И ноги. Но, слава Богу, отошли. Говорит только медленно. Группу ему дали и велели на лёгкую работу устроиться. Лизка теперь командует. И тянет всё – увидишь: и дом в порядке у неё, и Мишка, и девки чистенькие. Золотая баба непутёвому досталась.

– Да уж, – задумчиво произнёс Семён, вспомнив прошлое. – Из-за неё чуть не покалечил меня.

– А может, чувствовал, что выходит она его со временем, – вдруг сказала Полина. – Ты бы погулял – и прощай, деваха, а он по ней сох.

– Наверное, ты права, – согласился он, поднимаясь навстречу возвратившемуся Ивану.

Тот протянул бутылку, перехватил освободившейся рукой расплзающийся замасленный свёрток, обронил:

– Ещё чуток – и выскользнула бы, зараза. – И завернул торчащие селёдочные хвосты.

... Семён открыл калитку родительского дома. На его неожиданно дрогнувшее: «Есть кто живой?..» – из сеней выглянула худая, мосластая женщина в клетчатом коричневом сарафане и закрывшей волосы, аккуратно повязанной косынке.

– Не ждала сегодня гостей, а мы вот нагрязнули, – громко произнесла Полина. – Где там братик, чего прячется?

– Как же. Дома его застать захотела. Да он ныне на Двине и живёт, – проговорила Лиза, не спуская глаз с Семёна. И вдруг замолчала, словно забыла, что говорить, всплеснула руками, коснулась ими платка, будто собираясь его сдёрнуть, да так и замерла. – Батюшки мои, неужто Семён?

– А я думал, не признаешь, – радостно выдохнул тот. – А ты вроде совсем не изменилась.

– Скажешь. – Лиза наконец решилась, сдёрнула косынку, рассыпав пшеничные волосы, оттенившие синие глаза и узкое лицо, отчего действительно помолодела. Позвала не оборачиваясь: – Валя!

Из дома вышла удивительно похожая на неё девочка, встала рядом с матерью, исподлобья глядя на Семёна.

– Это, значит, твоя старшая, – торопливо сказал он и протянул руку. – Ну, здравствуй, племянница.

Девочка спрятала свою руку за спину, а вывернувшаяся из-за неё маленькая, смуглая, совсем не похожая на сестру Надя смело протянула свою, звонко сообщила:

– Меня зовут Надя. А маму мою – Лиза, а папу – Миша.

– А меня – Семён. Я твой дядя.

– А у нас есть дядя Ваня.

– И я тоже ваш дядя. А папка где?

– Да вот Валька сейчас сбегает. – Лиза подтолкнула старшую в спину. – Крикни папке, что дядя Семён из Сибири приехал, пусть сейчас же вертается.

Та стрельнула глазами на дядю Семёна, выскочила за калитку.

– А я-а-а... – заныла Надя.

– А мы с тобой пойдём переоденемся, чтобы красивыми быть. – Лиза скользнула взглядом по Семёну, выговорила Полине: – А ты чего стоишь, ты ж всё знаешь. На стол накрывай.

– Действительно, долго мне эти хвосты держать, провонялся весь! – напомнил Иван и пошёл за Лизой.

Из дома слышался её голос:

– Чего вы её покупали, будто у нас своей рыбы не хватает.

Семён задержался на крыльце.

– Иди, – сказал он Полине. – Я тут погуляю, в огород схожу, привыкну...

– Баньку погляди.

– А дом Мишка содержит в порядке. Как при бате.

– Лизка больше. Она теперь тут командует.

Полина ушла в дом.

Семён прошёл по двору, снял и потрогал висящую на бревенчатой стене источенную косу, заглянул в загородку, где топтались куры, постоял у хлева, от которого шёл дух животины, потом толкнул хлипкую калиточку и прошёл в огород.

Возле дома между грядок с луком и чесноком стояли молоденькие яблони, судя по большим зелёным плодам и по запаху – антоновка; в дальнем углу, за обновлённой банькой, виднелись разлапистые старые – уже отплодоносивший белый налив да безымянные, но сочные и красные осенние. Он не удержался, сорвал, надкусил румяный бок, вспоминая, как набивал в такую вот пору яблоками майку и, таясь от матери, лез через забор в соседний огород, а оттуда через двор Ваньки Кудрявого – на берег, где ждал его закадычный друг Митька; утолив голод яблоками, они вновь заходили в воду, не в силах оторваться от рыбалки. Вспомнил и другие вечера, когда всё так же через соседский огород приносил яблоки девкам, которых в его отсутствие развлекал на скамеечке под берёзами верный Митька. После яблок губы у девок были сладкие и липкие, оттого и не отцеплялись долго...

Здесь его и нашёл Мишка. Он был такой же худой и сутуловатый, каким Семён его помнил, – только вот лицо прорезали морщины да глаза смотрели настороженно, словно чего-то опасаясь. Семён шагнул навстречу, стиснул обтянутое застиранной майкой, загоревшее до черноты костистое тело, прижался щекой к осязательной щетине.

– Здорово, Мишаня.

– Сёмка... – Мишка всхлипнул. – Сёмка, братик. – Он зашмыгал носом, отвернулся, провёл рукой по лицу. – Чего ж ты так... неожиданно. А мы тут... А я вот на реке...

– Всё хорошо, брат. За домом ты следишь. Память наша... Смотри не продай.

– Да ты что? Зачем?

– Эй, братья! – Полина обхватила своими маленькими, но крепкими пальцами их ладони. – А ну-ка, пошли в дом, нечего тут секретничать.

– Вот так, – сказал вдруг Миша, и из глаз его медленно выкатились слезинки. – Водила она нас так, маленькие когда... Помнишь?

И он вскинул голову, вытянув беззащитную шею.

– Пошли, пошли.

Семён обхватил узкие плечи брата, повёл его вслед за Полиной.

Уже стоя у накрытого стола, он вдруг предложил сходить на кладбище. Прихватив закуски, они семейно прошли по переулкам, останавливаясь почти у каждого двора. Семёна здесь помнили и спешили высказать накопившееся: о сорванных цветах, обнесённых садах, обманутых девках... Он искренне заверял, что давно остепенился, скоро дети пойдут. Все

удивлялись, что ещё не завёл их: парень был видный, мог бы и не ехать в Сибирь, здесь поджечься, – глядишь, уже куча бы бегала. Семён согласно кивал, припоминая всех своих подружек, плакавших, когда его с одноклассниками отправляли в Смоленск. А оттуда – ещё дальше, кого куда. И выпало ему очутиться почти на самом краю земли. Тогда боязно было, а теперь не жалеет.

...У прибранных, ухоженных могил, сомкнувшихся холмиками, словно и тут родители не могли друг без друга, разложили принесённое, разлили в стопки. Мишка прикрыл подставленную ему ладонью, помотал головой, и Полина шепнула: «Не настаивай». Помянули и, помолчав, заговорили о своём, неотложном, всё продолжая выпытывать, как кто жил эти улетевшие годы. Говорили в голос, не утаивая от родителей радость встречи долгожданной и примирение, понимание крепости родства. Девчонки, присмирившие вначале, стали играть между могилками, несколько не боясь мёртвых, и, глядя на них, Семён всё более находил в каждой черты и Мишки, но всё же старшая явно походила больше на Лизу. И он вдруг подумал, что она вполне ведь могла быть и его дочкой, если бы тогда, в пуне, заполненной духовитым сеном – только вернулись с покоса, – когда перекидали с телеги и Лизка по-соседски помогала, совсем некстати не появился бы Мишка и не пришлось Семёну отскакивать от уже почти сдавшейся Лизки и отбиваться, а потом убежать от ошалевшего брата.

Вспомнил и прогнал прошлое, испугавшись, что, сбудься то, – не было бы его другой, сегодняшней жизни. Взглянул на жену брата, вовсе не похожую на заметную, пышнотелую (только волосы те же) соседку, бедра которой столь призывно покачивались, что заманивали каждого юнца, и вот только Мишка, пришедший из армии артиллерийским сержантом, оценил в ней что-то другое и принялся отгонять охочих да прытких.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.